

Борис Акунин
Планета Вода
Приключения Эраста Фандорина
в XX веке
Часть первая

Планета Вода
Технократический детектив

Завязка

Журналистская удача

17 апреля 1902 года. Атлантика.

Океанский пароход «Юниверс», следовавший рейсом из Марселя в Буэнос-Айрес, шел мимо Канарских островов. Был третий день плавания, когда на смену оживлению и восторгам, сопутствующим началу всякого морского путешествия, начинает подступать скука. Пассажиры уже насладились видами, ознакомились с немудрящими корабельными развлечениями, поговорили с попутчиками и успели в них разочароваться, а впереди оставалось еще две

недели монотонного движения по пустым водам.

Репортер парижского журнала «Эссенсьель», откомандированный редакцией сделать серию очерков об аргентинских серебряных рудниках и намеревавшийся написать книгу, которая поразит мир (это был *очень* молодой репортер), исполнял данное самому себе обещание: каждый день выдавать не менее пяти страниц текста. Он сидел в шезлонге, закинув ногу на ногу, и старательно скрипел карандашом — регистрировал впечатления от вчерашней экскурсии по пароходу.

Судно представлялось журналисту минимodelью всего Божьего мира.

В самом низу, сокрытая от глаз, располагалась преисподняя. Там воздух был черен от пыли и черные, как черти, кочегары швыряли черный уголь черными лопатами в огненные жерла адских печей.

Выше находился трюм, грешное и нечистое чрево «Юниверса», где шестьсот переселенцев из Восточной и Южной Европы за свои жалкие пятьдесят франков с носа теснились в темных отсеках, среди развешанных детских пеленок, узлов с грошовым барахлом, чугунков с кастрюлями, которые зачем-то понадобилось тащить на другой конец света. Чрево, как предписано природой, смердело и издавало малоприятные звуки: там орали младенцы, кто-то вопил пьяные песни, кто-то визгливо бранился.

Наверху обитало цивилизованное общество. В ярусе второго класса все было скромно, но пристойно, в ярусе первого — красиво и даже роскошно, а вознесенная под самое небо прогулочная палуба, где трудился над записками журналист, напоминала рай. Молодой человек саркастически уподобил «чистых» пассажиров в их белых летних нарядах спасенным душам, а плавнскользящих стюардов с подносами (прохладительные напитки, кофе, мороженое) — серафимам, что потчуют праведников нектаром и амброзией.

Перечитав эту графоманию, корреспондент уныло вздохнул, выдрал странички, скомкал.

Всё это уже было. Другие авторы сто раз сравнивали человеческое общество с кораблем, кочегаров с чертями, трюм с чревом и так далее. Третий день пути, а мыслей никаких, писать решительно не о чем. Но зарок есть зарок: пять страниц вынь да положь.

Журналист встал, поплелся на корму, где пассажирский помощник о чем-то рассказывал стайке дам, прикрывавшихся от солнца шелковыми зонтиками. Может быть, профессиональный краснойбай поведаст что-нибудь годное для записи?

— Мы находимся на траверзе островка Сен-Константен, — говорил изящный господин в смокинге и морской фуражке, показывая на серый

конус, торчавший из воды в нескольких милях к югу. — Это верхушка древнего вулкана, бедного родственника Тенерифского колосса, мимо которого мы проплыли сегодня утром. Высота этого малыша, медам, почти в десять раз меньше — всего четыреста пятьдесят метров, но в отличие от гиганта он слегка попыхивает. Если вы как следует приглядитесь, то увидите, что над горой курится дымок.

Дамы пригляделись. Корреспондент тоже поднес к глазам бинокль, что висел у него на груди. Воздух над Сен-Константемом слегка переливался, будто марево в жаркий день.

— Долгое время вулкан считался навсегда потухшим, но недавно начал проявлять признаки жизни. Ученые концерна «Океания» спустились в жерло и констатировали активизацию магмы, однако, по их мнению, в ближайшие пятьсот лет извержение маловероятно, так что вряд ли кто-то из нас сможет насладиться этим живописным зрелищем — разве что мадемуазель Софи.

Рассказчик погладил по голове маленькую девочку с куклой в руках. Дамы охотно посмеялись милой шутке. Пассажирский помощник на пароходе был такой, какой нужно: звучноголосый, с приятной внешностью и с небольшим физическим изъяном — припадал на одну ногу. Мужья калеку к женам не ревновали, дамы бедняжку жалели.

Зевнув, корреспондент опустил бинокль чуть ниже. Гора была скучная, серая. У ее подножия белели какие-то постройки.

— Концерн «Океания»? — переспросила матрона в мелких платиновых кудряшках. — Не тот ли, что выпускает мой кольдкрем?

— Совершенно верно, баронесса. — Титул (*Madame la baronne*) помощник произнес нежно, с удовольствием. — Сен-Константен принадлежит тому самому концерну «Океания», продукцию которого вы найдете во всех солидных парфюмерных магазинах. Эссенции для этих волшебных кремов, лосьонов и притираний производят здесь, из водорослей и моллюсков. Кроме того, «Океания» зарабатывает огромные деньги на лекарствах, изготовленных из морепродуктов. Это новое, весьма перспективное направление в фармакологии. Однако нужно отдать концерну должное. Его владельцы думают не только о прибыли. Вы, может быть, видели в газетах рекламу их детского туберкулезного санатория? Он находится на Сен-Константене. Целительный климат, термальные источники и оздоровительные процедуры на основе морской биологии делают чудеса. При этом лечение предоставляется несчастным малюткам бесплатно, в порядке чистойшей благотворительности.

Журналист не заинтересовался и санаторием.

Из темы чахоточных детей всё что возможно было выжато еще во времена сентиментализма, давно вышла из моды и благотворительность — буржуазная химера и пошлость.

Но баронесса была иного мнения на сей предмет:

— О, я много что знаю про санаторий «Морской рай»! Разве я не говорила, что состою в правлении Национального богоугодного общества? Я просто обязана быть в курсе подобных начинаний. То-то название острова показалось мне знакомым. На одном из последних заседаний нашего правления...

Но ей не удалось рассказать помощнику и остальным дамам о своей филантропической деятельности, потому что на палубе вдруг сделалось шумно.

— Я, кажется, ясно сказал: белые лилии, бе-лы-е! — истерично вопил кто-то с сильным швабским акцентом. — А вы мне что подсунули?! Что это, я вас спрашиваю?!

Корреспондент еще не знал, что журналистская фортуна решила его облагодетельствовать, но обернулся на крик с благодарностью — любой дивертисмент, нарушающий тягучую размеренность дня, был подарком.

На корму выбежал сухонький человечек с

седыми пушистыми волосами, которые торчали на его несоразмерно большой голове во все стороны, делая ее похожей на одуванчик. Бородка и усы тоже были седые, но умеренные, аккуратно расчесанные. Лицо розовое, млаожаовое, крайне возбужденное.

— Это, по-вашему, белые?! — закричал он пассажирскому помощнику. — Что за гадость мне поставили в каюту?!

В руке он сжимал истерзанные бледно-розовые цветы с переломленными стеблями.

Все, кто находился поблизости, смотрели на скандалиста с одинаково страдальческим выражением на лицах. Оживился только тоскующий журналист. Хотя нет — был еще один человек, наблюдавший за крикуном с сугубой заинтересованностью. Длинноусый господин в наглухо застегнутом песочном сюртуке шел следом за погубителем розовых лилий, не сводя с него глаз.

— Опять этот сумасшедший, — вздохнула одна из пассажирок. — Боже, как он надоел со своими сценами!

— Немец, — пожала плечами другая.

Пароход был французский, немцев здесь не любили.

— Прошу прощения, медам, — тихонько молвил слушательницам помощник. — Я должен успокоить мсье Кранка.

Он захромал навстречу седому человечку,

прижимая ладонь к сердцу и всем своим видом выражая безграничную кротость.

— Господин профессор, тысяча извинений, но белые лилии закончились. Вам поставили самые светлые из всех, какие были в оранжерее...

— За...закончились? — пролепетал профессор. — Вы хотите сказать, что две недели, до самого Буэнос-Айреса, мне в каюту будут ставить всякую мерзость?

Он весь как-то поник, ссутулился, закрыл лицо руками. Узкие плечи задрожали от рыданий.

— А какое безобразие он устроил вчера в салоне из-за того, что вилки и ложки положили не совсем симметрично, — пожаловалась баронесса ухмыляющемуся корреспонденту.

Тот путешествовал вторым классом и ужинал за табльдотом, поэтому видеть вчерашнего «безобразия» никак не мог, но охотно поддержал тему:

— Да уж, стопроцентный псих.

Баронесса отвернулась. Она не одобряла подобный стиль речи.

Вдруг профессор Кранк перестал плакать и вновь начал сердиться, с каждым мгновением приходя во всё большее неистовство.

Он швырнул лилии на палубу, стал их топтать. Потом рванул на себе крахмальные воротнички. Скинул пиджак — потоптал и его.

Дамы испуганно попятились. Пассажирский помощник понял, что в одиночку ему не справиться и замахал рукой, подзывая старшего стюарда.

Точно такой же жест сделал господин в песочном сюртуке. Возле него возник, будто вырос из-под земли, крепкий рыжеволосый мужчина.

— Keep closer, Finch, — едва двигая краем рта, шепнул длинноусый. — He's up to something¹.

Рыжий прищурился. Под правым глазом у него был интересный шрам, похожий на звездочку — все ее лучики пришли в движение.

Но Финч не успел приблизиться к профессору.

— Какая мука! Я так больше не могу! — выкрикнул тот сорванным голосом. — Будьте вы все прокляты! Прокляты!

И вдруг — никто не успел ахнуть — с неожиданной для почтенного возраста прыткостью разбежался, подскочил, оперся в прыжке руками о перила и перемахнул за борт!

Многоголосый визг прокатился по корме. Журналист разинул рот и захлопал глазами. Пассажирский помощник схватился за сердце.

Только двое сосредоточенных людей — длинноусый и рыжий — не растерялись. Они кинулись вперед, перегнулись через борт и успели

¹ Держитесь поближе, Финч. Он что-то задумал. (англ.)

увидеть пенный всплеск в том месте, где тело ударилось о воду.

— Финч!

— Да, сэр.

Человек со звездчатым шрамом одним движением перебросил сильное тело через фальшборт, перевернулся в воздухе, вонзился в гребень волны.

В воду полетел спасательный круг, за ним другой. Крики «Человек за бортом!», «Двое за бортом!» утонули в мощном тревожном гудке.

Все радостно загомонили, когда посреди пенного следа за кормой вынырнула первая голова — рыжая.

Но второй не было. Да и рыжий смельчак, глотнув воздух широко раскрытым ртом, опять ушел под воду.

Снова он появился нескоро. Отрицательно помотал головой — жест предназначался тому, кого он давеча назвал «сэром». Пароход, хоть и застопоривший машину, успел уйти метров на триста, но длинноусый прижимал к лицу окуляры, так что увидел и понял.

Застонав, ударил кулаком по перилам.

— God damn it! God damn it! God damn it! — бормотали бледные, трясущиеся губы.

— Спасибо тебе, господи! — кричал рядом журналист. — Я всё видел! Какая удача!

Настоящая жизнь

1 сентября 1903 года. Остров Аруба

Видимость нынче была редкостная. На приличной глубине безо всякого прожектора водяная толща просматривалась метров на тридцать. Эраст Петрович Фандорин медленно вел субмарину над песчаным дном, на котором переливались бело-голубые пятна. День, как почти всегда в здешних широтах, был солнечный. Пространство над головой лучилось сиянием, по которому время от времени словно пробегали легкие облачка — так снизу выглядела океанская поверхность, слегка колеблемая бризом.

Внизу стало темнее — больше синего, белое исчезло вовсе, сменилось зеленым. Это кончилась песчаная банка. Дно пошло под откос. На первых порах оно было довольно ровное, просто покрытое водорослями. Потом начались коралловые рифы.

Фандорин включил внутреннюю связь, чтобы проверить, не уснул ли Маса. Подводные путешествия действовали на японца как снотворное. Однажды вышли в запланированный квадрат, бросили якорь. Эраст Петрович сказал в трубку: «Давай, выходи» — никакого ответа. Даже

забеспокоился. Спустился из рубки в водолазный отсек — дрыхнет. В свое оправдание Маса объяснил, что под водой испытывает странное ощущение: будто он младенец в материнской утробе, на свете нет никаких проблем, да и самого света тоже нет. В тот раз пришлось произвести кесарево сечение — как следует тряхнуть соню за ворот пневмофора. Работа есть работа, а план есть план.

Но нет, Маса не спал.

— ...если бы ты не был полезен для господина, — услышал Фандорин конец фразы, произнесенной по-английски с сильным японским акцентом, — я бы воткнул твою отрубленную голову на колышек, поставил на полку и любовался бы, пока не надоест. А потом скормил бы ее акулам.

— Я понял по щелчку, что вы подключились к связи, мистер Фандорин, — сказал скрипучий голос, тоже с акцентом — певучим. — Вот послушайте, как со мной разговаривает ваш клевет. А я всего лишь сделал совершенно справедливое замечание относительно его невыносимой привычки постукивать по переборке...

Эраст Петрович поскорее отключился.

Отношения между членами экипажа субмарины «Лимон-2» были отвратительными.

Инженер-механик Пит Булль и водолаз Масахиросибата совершенно не выносили друг друга. Что-то с этим надо было делать. Иногда ужасно хотелось выгнать к черту обоих и плавать по океанским пучинам одному. Ничего не искать, ни к чему не стремиться. Просто пошевеливать рулями да смотреть в иллюминаторы на косматые и подвижные, будто дышащие, морские холмы, на колонии пурпурных, оранжевых и желтых губок.

Вот из расщелины высунула круглую башку мурена. В щелеобразном рте блеснули белые шипы зубов. Ну и пасть. Метра на два тварюга, не меньше. Если увидит добычу — вылетит из засады торпедой.

Прямо в стекло на Фандорина уставилась рыба-ангел, пошевелила губищами — словно посулила удачу. Тут же подоспел и праздничный фейерверк: пронеслось разноцветное облако сине-желтых снапперов, за ними красно-голубая рыба-попугай. Они улепетывали от барракуды. Обманчиво меланхоличная, очень похожая на мирного судака, она едва пошевеливала широким хвостом, но двигалась очень быстро. На субмарину и не покосилась — как всех хищников, барракуду в жизни интересовало лишь то, что можно сожрать.

Эраст Петрович положил руль на погружение — в этом месте дно опускалось на двадцать с лишним метров.

Вверху, словно парящий в небе орел, лениво покачивался грудными плавниками крапчатый скат, за ним тянулся длинный кнут хвоста, оснащенного ядовитым шипом.

Всё истинно красивое смертельно опасно, а всё смертельно опасное красиво, вспомнилась Фандорину цитата из недавно прочитанного декадентского манифеста. Чушь. Орляковый скат, конечно, красавчик, но что красивого в бацилле чумы и что опасного в закате солнца? Любовь к цветистым фразам и парадоксальным идеям когда-нибудь погубит человечество...

Однако наслаждаться подводными видами и предаваться праздным мыслям Эрасту Петровичу довелось недолго. Замигала лампочка вызова на телефоне.

— Передайте этому человеку, господин, что я с ним больше не разговариваю, — раздалось сердитое сопение. — Он мне не начальник. Если хочет что-нибудь сообщить, то только через вас.

Говорил Маса по-японски. Нарочно, чтобы позлить мистера Булля.

— Скажите вашему лакею, что он тупое и агрессивное животное, — раздалось в другой трубке, связывавшей рубку с машинным отсеком, шипение инженера. — Что он оскорбляет своим ничемным существованием мое этическое, а своей масляной рожей мое эстетическое чувство.

Характер у Пита Булля был гадкий, Эраст Петрович и сам едва терпел своего нового помощника — только за то, что абсолютный и несомненный гений.

Почти все замечательные технические усовершенствования, сделавшие работу под водой не только возможной, но и приятной, были предложены и осуществлены склочным мистером Буллем.

Гений у него был своеобразный. Этот человек не мог родить ни одной собственной идеи, но блестяще реализовывал чужие. Поставят задачу — выполнит. Не поставят — не будет знать, чем себя занять. Такие субъекты — талантливые исполнители — всегда в огромном дефиците. На свете полно людей, которые придумывают новое (чаще всего никому не нужную ерунду или что-то совершенно неосуществимое), но вечно не хватает мастеров, способных превратить теорию в нечто пригодное к употреблению. Фандорин давно мечтал о таком сотруднике — и вот год назад наконец обрел его.

Задачу всегда ставил Эраст Петрович — обыкновенно в самом общем виде. Скажем, однажды пожаловался, что в тяжелых скафандрах работать очень неудобно. Нельзя ли придумать менее громоздкий и удобный способ существования под водой? Какой-нибудь мешок с кислородом, что

ли.

Через несколько дней Пит Булль показал свой пневмофор — аппарат для дыхания в водной среде. Сама концепция не была оригинальной. Инженер взял прибор Рукейроля-Денеруза, представлявший собою наспинный резервуар со сжатым воздухом и дыхательную маску на резиновой трубке, но придумал множество мелких усовершенствований. Заменял неудобный, сковывающий движения баллон металлическим поясом и приспособил конструкцию к индивидуальным особенностям ныряльщиков. И Фандорин, и его японец владели навыками медленного дыхания, когда человек может обходиться всего одним вдохом в минуту. Это позволило сделать пневмофор компактным, с запасом на сорок вдохов. Обычному человеку хватило бы только на очень короткое погружение. Японец же легко держался целых полчаса, а Эрасту Петровичу хватало воздуха минут на сорок или даже пятьдесят.

Или, допустим, проблема с духотой. При погружении вода вытесняла воздух из балластных цистерн внутрь субмарины, отчего повышалось давление. Внутри становилось очень жарко и душно. Фандорин спросил, нельзя ли сделать так, чтобы в субмарине сохранялась нормальная атмосфера. Извольте: Булль придумал выводить лишний воздух шлангами за борт. Теперь члены

экипажа не обливались по том.

А совсем недавнее новшество? При опускании на дно лодка пренеприятно ударялась брюхом, и это бы еще полбеды. Но в большинстве случаев она так плотно ложилась на грунт, что становилось невозможно выбраться наружу, поскольку люк водолазного отсека располагался снизу. «Неужели придется заказывать новый корпус, с выходом сбоку? — посетовал Эраст Петрович. — Или будем мучиться, болтаясь на якоре?»

Мистер Буль решил затруднение просто и гениально: приделал к днищу «Лимона-2» три каучуковых колеса, как на детском велосипеде. Во-первых, они смягчали удар; во-вторых, оставляли достаточный зазор для выхода и возвращения водолаза; в-третьих, на них вполне можно было катиться, если дно более или менее ровное.

Вот каким великолепным техническим помощником наградила карма Фандорина. Разве можно пенять прекрасной розе за то, что у нее колючие шипы?

Подводная лодка «Лимон-2» была на девяносто процентов творением Пита Булля и только на десять процентов — самого Фандорина. Вклад Масы ограничился тем, что он придумал герб, нарисовал его водонепроницаемой краской на стальном щитке и прицепил флагшток со своим

творением к хвосту лодки. Герб был исполнен глубокого символизма: острая стрела (господин, устремленный к нужной ему Цели) и натянутый лук (верный вассал, помогающий господину на его Пути); лук был такой же пузатый и короткий, как Маса. Второй смысл герба заключался в том, что места для Пита Булля эта геральдика не предусматривала.

Свое цитрусовое название субмарина получила за то, что силуэтом очень напоминала продолговатый лимон (правда, с цилиндрическим наростом-рубкой на верхней части), а номер обозначал вторую модификацию, которая, благодаря вкладу мистера Булля оказалась много удачней первой. Теперь корабль обзавелся двойным корпусом из особенного сверхпрочного, но все равно легкого алюминия, так что водоизмещение не превышало 5 тонн. Скорость подводного хода получилась беспрецедентно высокой — до 8 узлов, максимальная глубина погружения — до 60 метров. Вместо одного двигателя два: дизельный и электрический. Вне всякого сомнения, «Лимон-2» был лучшей субмариной на свете.

Теперь дело, к которому Фандорин относился, руководствуясь древним японским принципом, что движение к цели важнее ее достижения, стало казаться осуществимым.

Полтора года назад, будучи в Мехико и роясь

в архивах бывшего новоиспанского вице-королевства с надеждой отыскать какие-нибудь сведения о гипнотическом искусстве ацтекских жрецов, Эраст Петрович наткнулся на отчет губернатора Эспаньолы, где сообщалось о гибели галеона «Сан-Фелипе», унесенного бурей во враждебные голландские воды.

В феврале 1708 года корабль, нагруженный двадцатью тоннами золотых слитков, затонул в нескольких милях к зюйд-зюйд-весту от острова Аруба, на сравнительно небольшой глубине. Капитан разведывательной шхуны нашел место крушения и даже разглядел под водой верхушку уцелевшей грот-мачты. Значит, галеон лег на дно всего в тридцати пяти или сорока метрах от поверхности. Но водолазам восемнадцатого столетия этот близкий локоть было не укусить. Точность, с которой в донесении были указаны координаты утонувшего судна, побудила Эраста Петровича произвести некоторые подсчеты. Получалось, что искать галеон следовало в секторе площадью всего в две квадратные мили.

Так у Фандорина, ведшего довольно рассеянный образ жизни, при котором короткие всплески активности сменялись длинными периодами бездействия, появилась превосходная мечта.

Свободного человека, не имеющего ни

обязательств, ни семьи, ни постоянного дела, ни отечества, привлекла не столько мысль о богатстве (хотя и она тоже, поскольку богатство, если к нему правильно относиться, дает больше свободы), сколько сама идея неспешного, долгого-предолгого поиска. Появится какая-нибудь интересная детективная работа — можно будет прерваться. Галеон пролежал на дне двести лет, подождет еще.

А кроме того, Фандорина очень давно, еще с гимназических лет, когда он прочитал только что вышедшие романы Жюль Верна о капитане Немо, интриговали тайны подводного мира. Благодаря знаниям, полученным на инженерно-механическом факультете Массачусетского технологического института, и врожденной самоуверенности, Фандорин не сомневался, что сумеет построить если не «Наутилус», то аппарат, который позволит вести изыскания на глубине в несколько десятков метров.

Первый «Лимон» был неуклюж, вертляв и опасен для жизни маленького экипажа, первоначально состоявшего из двух человек — самого Эраста Петровича и его друга Масы, которому, впрочем, больше нравилось называть себя «вассалом». Настоящая работа началась лишь с постройкой «Лимона-2».

Зона поиска была поделена на пятьсот квадратов по полгектара каждый. Больше за один

день осмотреть не получалось. За два века корабль, конечно, покрылся слоем ила и водорослей, а то и оброс рифами. Водолазам приходилось тщательно осматривать и даже ощупывать чуть не каждый метр. При этом погружались далеко не каждый день. То прозрачность воды была недостаточной, то мешали погодные условия, то приходилось чинить оборудование, или же Пит Булль требовал сделать перерыв, чтобы усовершенствовать какой-нибудь элемент конструкции. За без малого год удалось осмотреть всего пятьдесят семь квадратов.

А Фандорин никуда и не торопился. Его такая жизнь идеально устраивала. Поставленная цель должна сиять, как двадцать тонн испанского золота, но при этом быть очень далекой и не даваться в руки. Разве мерцание океана менее прекрасно, чем блеск слитков? Разве каждый день не наполнен содержательным трудом, преодолением трудностей и надеждой? Так и жить бы на этом странном острове год за годом. По вечерам пить ром с ананасовым соком, курить чудесные гаванские сигары, размышлять об интересном, спорить с Масой о тонкостях поведения благородного мужа и прочей чепухе.

Эраст Петрович опасался только одного: что со своей утомительной везучестью найдет галеон много раньше, чем хотелось бы. Но что делать? С кармой не поспоришь.

Вышли в заданный на сегодня квадрат. Фандорин выпустил якоря, они немного поволочились по дну, зацепились. Лодка дрогнула, замерла.

Подтянуться лебедкой книзу.

Легкий скачок на упругих колесах. Выровнялись почти идеально. Готово.

— Маса, пошел!

Чуть колыхнулся воздух — это японец открыл герметичную дверцу водолазного отсека. Щелчок — снова запер. Минут пять ушло на то, чтобы выровнять давление в водолазной камере с забортным (Фандорин следил по манометру).

Субмарину качнуло — это спрыгнул в люк Маса. Некоторое время спустя он показался по ту сторону иллюминатора, изобразил ритуальный поклон, что в воде было не так-то просто, подмигнул, выпустил красивую струйку серебристых пузырьков. Распластался над водорослями, медленно поплыл, похожий на белобрюхую овальную рыбу-пузырь. В отличие от Фандорина, японец никогда не пользовался водолажным костюмом. От спокойной арубской жизни и морской кухни Маса разъелся и еще больше округлился. Ему под водой не было холодно.

Поглядывая на часы — надо было следить,

чтобы японец не увлекся и не пропустил время возвращения, — Эраст Петрович решил, что, пожалуй, тоже погуляет по морскому дну. Видимость такая замечательная, что вполне можно прочесать не один квадрат, а два. И заколебался — сам ведь себе говорил, что торопиться незачем. Это проклятая западная культура теснит восточную: погоня за результатом в ущерб наслаждению ходом жизни.

— Нет, как вам это нравится? — сказал по внутренней связи мистер Бульль, переходя на русский.

Он был человек схематический: про Россию говорил по-русски.

— Читали сообщение агентства «Рейтер»? Они выперли в отставку Витте, единственного хоть чуточку вменяемого министра в их сумасшедшем доме! Моя бабушка говорила: не мешай дураку мылить веревку, пускай вешается.

По-русски он изъяснялся с той же еврейской певучестью, что и по-английски. Как этого человека звали на родине, до того, как он стал Питом Буллем, Фандорин так и не выяснил. Мистер Бульль сделался американцем навсегда и без оглядки. О бывшей стране проживания он отзывался исключительно в уничижительном тоне, именуя ее «страной дураков», «Расеей» или просто говоря «у них там». Замечания делать было бессмысленно —

от этого инженер делался еще более желчным.

— У них там к власти пришла воровская Безобразовская клика, — с удовлетворением продолжил Бульль. — Я говорил вам: эта несчастная страна катится в тартарары, а вы спорили. Обреченное государство скотов, управляемое свиньями — вот что такое ваша Расея.

Эраст Петрович сто раз давал себе зарок не втягиваться с инженером в политические споры, но все же не сдержался.

— Если вам неприятна и неинтересна Россия, зачем же вы так внимательно следите за всем, что там п-происходит?

Прикусил язык, но поздно.

Телефон умолк, но зато донесся лязг, грохот. Люк, ведущий вниз, откинулся, в рубку просунулась голова Булля. Задранное кверху лицо — костлявое, обрамленное черной шкиперской бородкой, зловеще посверкивающее зелеными очками (инженер страдал глаукомой) — задвигалось в воинственном тике.

— Потому что каждый день радуюсь своему американскому гражданству! Читайте, какие дела творятся в вашей убогой стране, и благодарю бога, в которого не верю! А вы, Фандорин, просто глупец, что до сих пор не поменяли паспорт! Уверяю вас, через два или три года никакой России вообще не будет! Развалится к черту! Туда ей и

дорога! Наплевать!

— Врете вы всё, — с жестокой улыбкой ответил Эраст Петрович. Он знал, как осадить клеветника России. — Ничего вам не наплевать. Как были русским, так и остались. Кто на телеграф бегал? То-то!

— Ваш япошка — гнусный шпион! — рявкнул на это мистер Булль и ретировался, громко хлопнув люком.

Фандорин уел русофоба историей, приключившейся с месяц назад. В то время Маса был увлечен гипотезой, что ненавистный инженер только прикидывается врагом Российской империи, а на самом деле служит в Охранке и приставлен к господину, чтобы шпионить. Однажды японец явился возбужденный и сообщил: «Негодяй себя выдал! Он только что тайком отправился на телеграф и занял очередь к окошку. По дороге всё время оглядывался! Мы возьмем его с поличным, господин! Идемте скорей!»

Заинтригованный, Фандорин последовал за слугой. И действительно: Булль, воровато оглядываясь, передал телеграфисту какую-то депешу. В Санкт-Петербург.

Эраст Петрович удивленно нахмурился.

Короткая беседа с телеграфистом, подкрепленная золотой «вильгельминой» в десять гульденов, дала удивительный результат.

Выяснилось, что мистер Буль регулярно отправляет в Россию денежные переводы. То в комитет помощи жертвам Кишиневского погрома, то в комиссию поддержки голодающих крестьян Харьковской губернии, то в общество призрения сирот.

Призванный к ответу, инженер ужасно разозлился, наговорил чудовищных гадостей и объявил, что разрывает контракт, сию же минуту уезжает. Пришлось долго его уговаривать и пообещать, что инцидент с телеграфом никогда не будет поминаться. Но иногда Эраст Петрович все же не отказывал себе в удовольствии нарушить клятву. Ибо сказано: «Благородный муж должен во всем соблюдать умеренность, в том числе в суровости по отношению к собственным удовольствиям».

В иллюминаторе вновь показался Маса. Покачал башкой, скорбно округлил глаза. Ничего.

— Пойду п-поплаваю, — сказал Фандорин в телефон по-английски, давая понять, что инцидент исчерпан. — Поднимитесь в рубку и следите за дифферентой, а то нас течением подталкивает...

* * *

Вплоть до самого вечера день прикидывался обыкновенным — точь-в-точь таким же, как все

другие арубские дни.

Перед закатом, следуя установившемуся ритуалу, Фандорин сидел в шезлонге на белой терраске съемного дома и ждал заката, чтобы можно было выпить первый бокал «де-рюйтера», местного пунша. Принципы не позволяли Эрасту Петровичу употреблять алкоголь при свете солнца. А то еще сопьешься в здешнем раю, как многие другие экспатрианты.

Из большого мира, где творятся масштабные злодеяния, сшибаются империи, взлетают кометой и рассыпаются мелкими искрами карьеры, бывший статский советник и вольный сыщик не только замыслил, но уже и совершил побег — в обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Мир нехорош, неумен и некрасив. Его изъяны один человек исправить не в силах. Так не лучше ли заняться корректировкой собственных искривлений и недостатков? Главный секрет душевного спокойствия заключался в том, чтобы не следить за новостями, не читать газет и вовремя отключать слух, когда чертов Бульль начинает говорить о России.

Витте отправлен в отставку? В фаворе статс-секретарь Безобразов, сторонник войны с Японией? Ах, как скверно...

Стоп, сказал себе Фандорин. Меня это больше не касается. Я живу на Арубе, которую не зря

называют «счастливым островом». И взялся за бокал раньше установленного срока.

К Арубе, маленькой голландской колонии, замыкающей цепочку Малого Антильского архипелага, Эраст Петрович не просто привязался, но считал ее прообразом будущего устройства Земли, когда планета оскудеет природными ресурсами, которые позволяют человечеству паразитировать за счет плодородия почвы и полезных ископаемых, и людям придется наконец взяться за ум — или вымереть. Не вечно же глумиться над черноземными полями и беззащитными лесами, бездумно качать нефть, расходовать накопившийся за миллионы лет уголь.

На Арубе, в отличие от других Карибских островов, не было ничего. Совсем. Ни запасов сырья, ни даже нормальной зелени. Земля была почти безводной, и повсюду росли только суровые шипастые растения, как в пустыне. Воду доставляли с материка. Поэтому местному населению приходилось много и тяжело работать. Ничто не доставалось даром. Здесь берегли и ценили любой кусок металла или доску. Если строили, то добротнo и основательно. Если расходовали, то экономно. Посадят дерево в специально привезенную почву — берегут, поливают, лечат. Из-за такого отношения к труду,

ресурсам — к жизни арубцы заметно отличались от обитателей беспечных окрестных островов. Они были зажиточнее, уравновешеннее и как-то — вот самое точное слово — взрослее.

Нравилось Фандорину и то, как выглядят жители этой тропической Голландии: стройные и высокие, смуглые и черноволосые, но с голубыми и зелеными глазами. Таким, вероятно, будет население всей планеты через несколько веков, когда расы перемешаются.

Арубцы были потомками индейцев-араваков, испанцев, голландцев и чернокожих рабов. В последнее время эту громокипящую смесь активно обогащал азиатской кровью Маса.

Японец был в восхищении от здешних женщин, свободных в своих чувствах и поведении. Сам он считался среди них экзотическим красавцем. Худощавых брюнетов с синими глазами вроде Эраста Петровича на Арубе было пруд пруди, а узкоглазый шарообразный коротышка на весь город Ораньестаadt имелся в единственном экземпляре.

Вот и сейчас, в час заката, Маса шлялся где-то по амурным делам, а Фандорин сидел в одиночестве, положив ноги на резные перила, и потягивал крепкий «де-рюйтер». Глядел на фланирующих по эспланаде женщин, одна прекрасней другой, и мечтал о том блаженном

возрасте, когда голос плоти уже утихнет и перестанет отвлекать от истинно важных мыслей и дел. Потерпеть, вероятно, оставалось еще лет десять-пятнадцать.

Уже довольно давно Эраст Петрович постановил, что для благородного мужа унижительно вступать в любовные отношения, не испытывая любви или хотя бы влюбленности. Решение было теоретически правильное, но суровое. Влюбленности случались редко, с любовью было вообще навсегда покончено. Приходилось расходовать накопившуюся физиологическую энергию на интенсивное рэнсю и на борьбу с завистью. К Масае.

Фандорин поймал себя на том, что глазеет исключительно на гуляющих дам, совершенно не обращая внимания на мужчин, и рассердился. Нарочно стал скользить взглядом мимо силуэтов в платьях, фиксируясь только на фигурах в штанах. И через некоторое время обнаружил кое-что интересное.

Все мужчины двигались, кроме одного. Какой-то человек, не по-здешнему одетый в плотный костюм и шляпу-котелок, с невозможными в арубском климате крахмальными воротничками, не просто стоял на месте, но 1) высовывался из-за толстого кактуса; 2) не отрываясь смотрел на Эраста Петровича; 3) поняв, что обратил на себя

внимание, спрятался за колючий ствол.

Удалившийся на покой сыщик за время мирного тропического существования совершенно отвык от подобных казусов. В прежней жизни он давно уже *срисовал* бы (как говорили сыщики в девятнадцатом веке) или *сфотографировал* бы (как стали говорить в двадцатом) соглядывая своим периферийным зрением.

Лицо у нездешнего человека тоже было нездешнее: сосредоточенное, узкое, с длинными усами, каких на Арубе никто не носил.

Британец, определил Фандорин. Пожалуй, полицейский или что-то в этом роде. Притом не рядовой, а из начальства.

Интересно.

И когда незнакомец — осторожно, на четверть физиономии — вновь высунулся, Эраст Петрович сделал приглашающий жест: пожалуйста-ка сюда, сэр, полно прятаться.

Усатый замер. Потом, приняв решение, вышел из-за кактуса. Приподнял котелок, учтиво поклонился, направился к дому.

* * *

— Сесил Торнтон, — представился непонятный человек, поднявшись на террасу и окончательно сняв шляпу. — Старший инспектор

Скотленд-Ярда. Вы, должно быть, удивлены?

— Не очень.

Эраст Петрович внес коррекцию в первоначальную оценку англичанина. Не просто полицейский начальник, но джентльмен. По выговору чувствуется хорошая частная школа. Костюм и рубашка хоть странны для Арубы, но от «правильных» портных. Даже удивительно, что всего лишь старший инспектор.

— Чем обязан? — сухо спросил Фандорин, не предлагая сесть, потому что настоящие джентльмены из-за кактусов не подглядывают.

Британец оказался немногословен.

— Вот, — сказал он, доставая из кармана конверт с монограммой, — прочтите. Я появился перед вами столь невыигрышным манером, что положение может исправить только рекомендательное письмо от сэра Винсента.

Распознав в витиеватых буквах инициалы суперинтенданта английского Департамента уголовного розыска, давнего своего знакомого, Эраст Петрович показал гостю (получалось, что именно гостю, хоть и дурно воспитанному) на плетеное кресло.

«Дорогой мистер Фандорин, — писал сэр Винсент, — в память о нашем былом плодотворном сотрудничестве очень прошу Вас выслушать с вниманием мистера Сесила

Торнтон, который ведет чрезвычайно важное расследование. Если согласитесь оказать моему коллеге посильное содействие, мое ведомство и лично я будем бесконечно Вам благодарны. Ваш покорный слуга » — и затейливая до абсолютной нечитаемости подпись, какую не подделаешь, да оттиск печатки, которую сэр Винсент всегда носил на указательном пальце.

Любопытство обожгло душу таким сладостным трепетом, что Фандорин удивился. Оказывается ему здесь, в этом раю, чего-то не хватает? Например, неожиданных визитеров из большого мира с таинственными рекомендательными письмами?

Глупости. Застарелый рефлекс, не более.

— Вы зря ехали в такую даль, сэр. Я больше не занимаюсь расследованиями.

— Это мне известно, — кивнул старший инспектор. — Однако если уж я, как вы справедливо заметили, совершил столь неблизкий путь, может быть, вы по крайней мере выслушаете, что за дело я веду. Сэр Винсент говорил, что преступление такого сорта не оставит вас равнодушным. Это во-первых...

Поскольку гость сделал паузу, выжидательно посмотрев на Фандорина, тот наклонил голову: ну конечно, выслушаю, куда я денусь.

— А во-вторых, мне понадобятся не столько

ваши детективные таланты... — Взгляд Торнтон задержался на погнутом кормовом винте от субмарины, которым Эраст Петрович украсил террасу в память о нападении гигантской акулы, принявшей «Лимон-1» за крупную добычу. — ...Впрочем, сначала все-таки о преступлении. Взгляните, пожалуйста, на эти снимки.

Он достал из внутреннего кармана своей просторной визитки альбомчик, стал переворачивать страницы.

В первую минуту Фандорину показалось, что на фотографиях одно и то же: ванная, в ней неподвижная девочка-подросток неестественно белого цвета, с закрытыми глазами. Но присмотревшись, он увидел, что девочек три, просто они похожи: светловолосые и очень худенькие, с еще не развившейся грудью и проступающими сквозь кожу ребрами.

— Они спят или просто позируют? — спросил Эраст Петрович. — Кто и зачем покрыл тела белыми лилиями? Почему в ванне нет воды? Ее слили?

— Мертвы, — сурово ответил Торнтон. — Хоть и не похожи на покойниц. Воду мы не сливали. Именно в таком виде всех трех и находили. Первая — Эмма О'Лири, одиннадцати лет. Обнаружена 18 апреля 1901 года. Вторая — Сьюзан Найт, двенадцати лет. Умерла 14 ноября

1901 года. Третья — Люси Колл, тоже двенадцатилетняя. Дата смерти — 7 февраля 1902 года. Обстоятельства гибели идентичны. Сначала девочка пропадала. Потом ее находили в ванной комнате в гостиничном номере. Никаких следов насилия, в том числе полового. На левом запястье разрез. Причина смерти — обескровливание. Белые лилии. Вода, перемешанная с кровью, слита. Как видите, всё выглядит очень аккуратно, почти стерильно.

— Что рассказали в г-гостиницах? — быстро спросил Фандорин.

— Девочки приезжали в обществе мужчины маленького роста и сублильного сложения, немолодого. Детали внешности расходятся — преступник прибегал к маскировке. Во всех случаях мужчина и его маленькая спутница очень мило между собою общались. Их принимали за отца с дочерью.

— Газеты должны были много об этом писать, — удивился Эраст Петрович. — Но я не припомню упоминаний о серии таких странных, ужасающих убийств.

— Было принято решение держать эти преступления в тайне от прессы. — Инспектор тронул себя за ус. — По двум причинам. Всем нам памятна истерика, охватившая общество во времена дела Джека Потрошителя... А кроме того, мы

довольно быстро вышли на след «Лилиевого маньяка», круг поисков все время сужался, и мы боялись его спугнуть.

— Вы нашли убийцу?

— Да.

— Зачем же я вам п-понадобился?

— Мы его упустили. То есть...

Торнтон тронул себя и за второй ус, придя в затруднение.

— Знаете, сэръ, — сказал ему Фандорин. — Или выкладываете все правду без утайки, или забираете свой отвратительный альбом и уходите. Я ведь вижу, что вы не говорите мне г-главного.

Сконфуженно откашлявшись, инспектор развел руками:

— Да, вы правы... Я связан военной тайной, но, думаю, что в данном случае... В общем, проблема в том, что подозреваемый был важным сотрудником одной лаборатории Адмиралтейства. Засекреченным. Уж не знаю, над какой темой он работал, но если б вы видели, какие грозные грифы стоят на его личном досье... Собственно, поэтому газеты и остались в неведении... Скажите, вам доводилось вести подобные дела?

Эраст Петрович, кивнул.

— Да. Причем один раз я тоже искал маньяка, не совершавшего никаких половых действий. Это самый причудливый и непредсказуемый вид

преступников.

— Давно? — оживился Торнтон.

— Очень. В д-девятнадцатом веке, — кратко молвил Фандорин и поморщился. Он очень не любил вспоминать ту историю. — При таком расследовании главное — разгадать болезненную идею маньяка. Тогда задача становится несложной. Но если вы его арестовали, значит, действовали правильно.

— Я не говорил, что мы его арестовали, — вздохнул англичанин. — У нас все же не было стопроцентной уверенности, а человек этот, как я уже говорил, находился под защитой своего особого статуса. Мы установили за ним очень плотную слежку. Я вел ее лично, а у меня, смею вас уверить, немалый опыт...

— И что же?

— В апреле прошлого года этот человек — его зовут Готлиб Кранк, он немец — отправился в путешествие. В Марселе сел на трансатлантический пароход. Я и мой лучший сотрудник, некто Финч, тоже. Мы ждали телеграммы из Скотленд-Ярда, чтобы произвести арест. Но близ одного из Канарских островов профессор ни с того ни с сего совершил самоубийство. Среди бела дня вдруг взял и прыгнул в море.

— Ни с того ни с сего? — переспросил Фандорин, взяв из коробки сигару и предложив

сделать то же гостю (британец нервно качнул головой). — Вы уверены? Безо всякой п-провокации, без проявлений аномального поведения?

— Вы правы. — Торнтон досадливо покривился. — В плавании он вел себя странно. Всегда был тихоней, а тут без конца закатывал истерики, скандалил, рыдал. Мне следовало заподозрить неладное...

— Обычная история. У таких людей совершенно звериный нюх на опасность. Он что-то почуял, запаниковал, впал в исступление — и покончил с собой. — Эраст Петрович чиркнул спичкой, пристально рассматривая инспектора. — Это-то ясно. Я не пойму вот что. Ваш «Лилиевый маньяк» утопился в апреле прошлого года, в трех тысячах миль отсюда. Что же вас привело на Арубу? И зачем вам понадобился я?

Оглянувшись на эспланаду и гуляющих, Торнтон наклонился к Фандорину и понизил голос:

— Видите ли, сэр, у нас есть основания полагать, что профессор Кранк жив...

* * *

Сигара так и осталась незажженной.

— П-постойте... Я думал, что вы видели собственными глазами, как он бросился в море.

— Да, я был в двадцати футах. А мой помощник прыгнул в воду следом. Но профессор камнем ушел на дно.

Эраст Петрович потряс головой.

— Ничего не понимаю...

— Я тоже. Это какая-то чертовщина! — Торнтон экспансивно, совсем не по-британски воздел руки. — До земли там несколько миль и сильное течение. Он никак не мог доплыть. Мы все решили, что Кранк погиб. Однако вот вам факты... Производя обыск в портсмутской квартире Кранка, мы нашли в мусоре обрывки почтовой квитанции. За день перед отъездом из Англии профессор отправил бандероль. Судя по описанию и весу — с бумагами. Знаете куда? На остров Тенерифе, расположенный всего в пятидесяти милях от того места, где произошло самоубийство. Посылка была адресована предъявителю банковского билета с указанным номером. Кто-то получил бандероль в почтовом отделении Пуэрто-де-ла-Крусa на следующий день после предполагаемой смерти Кранка.

— Это очень интересно и опровергает версию о спонтанности самоубийства, — заметил Фандорин, — но не сам его факт. Профессор отправил бандероль человеку, у которого на руках имелся указанный банковский билет. С чего вы взяли, что именно Кранк явился на почту за

п-посылкой?

— Явился не Кранк, а какой-то посыльный. Но билет с этим номером никак не мог попасть на Тенерифе. В тот самый день, когда была отправлена бандероль, профессор побывал в банке, снял со счета все деньги. Это почтенный, аккуратный банк. Он записывает номера всех крупных купюр, какие выдает. Та, о которой идет речь, была у Кранка при себе во время путешествия. Она никак не могла попасть на Канары прежде профессора.

Эраст Петрович отложил сигару. Встал. Прошелся по террасе. Пальцы зашевелились, словно перебирая любимые нефритовые четки, пощелкивание которых всегда помогало дедукции. Однако четки уже много месяцев лежали в ящике письменного стола. На Арубе они были Фандорину совершенно ни к чему.

— Он мог передать или переслать кому-то купюру прежде, чем сел на пароход. И она попала на Тенерифе с каким-то д-другим кораблем.

— Невозможно. Кранк отправился в Марсель экспрессом и едва успел к отплытию. Пароход, на который он сел, самый быстроходный на линии. Билет никак не мог оказаться в Пуэрто-де-ла-Крус 18 апреля. Только если его достали из кармана профессора, прыгнувшего в море.

— Так может быть кто-то выловил труп, взял купюру и явился с ней на п-почту? Может быть, у

Кранка в блокноте или еще где-то было записано, как и где следует получить п-посылку.

— Согласитесь, что это весьма малоправдоподобное умопостроение, — пожал плечами инспектор.

— Во всяком случае более п-правдоподобное, чем утопленник, являющийся за своей бандеролью на следующий день после смерти, — уязвленно заметил Фандорин. — Впрочем, по вашему тону я догадываюсь, что у вас есть какая-то версия. Если так, не ходите вокруг да около. Выкладывайте.

— Там неподалеку тянется отмель. Она окружает всю периферию маленького острова Сен-Константен.

— Какие г-глубины?

— От тридцати до шестидесяти футов.

Эраст Петрович саркастически усмехнулся:

— Уверяю вас, этого более чем довольно, чтобы утонуть.

— Да, но на отмелях расположены подводные плантации водорослей и моллюсков, принадлежащие концерну «Океания». Там постоянно работают водолазы...

— Водолазы не могут подобрать тонущего человека. Они передвигаются по дну в тяжелых скафандрах. — Фандорин подумал немного, пожал плечами. — Ну, то есть теоретически это, конечно, возможно, если под водой находится субмарина с

водолазным отсеком, а вокруг нее плавают кто-то, имеющий резервуар со сжатым воздухом, однако это уж совсем фантастическое предположение.

— Отчего же? — быстро сказал британец. — Вот у вас, например, такая субмарина есть. Равно как и аппараты со сжатым воздухом для свободного перемещения под водой.

С полминуты Эраст Петрович молчал, глядя на инспектора с любопытством.

— Ах вот почему вы здесь? Вам не нужна моя помощь. Вы подозреваете, что я помог вашему утопленнику спастись. Давненько меня ни в чем до такой степени интересном не подозревали.

Торнтон махнул рукой.

— Господь с вами. С чего бы вы стали помогать «Лилиевому маньяку»? К тому же, мы проверили, в апреле прошлого года вы находились в Нью-Йорке на судостроительном заводе фирмы «Холланд». Ваша субмарина была еще не готова, а аппарат для подводного дыхания (он ведь называется «пневмофор»?) еще не был изобретен.

У Фандорина приподнялась левая бровь. Такая основательность делала Скотленд-Ярду честь.

— Я уже сказал, что нам нужны не ваши дедуктивные и аналитические способности, — продолжил инспектор. — Мне нужна ваша лодка, ваш пневмофор, наконец, вы сами с вашим опытом

подводных работ. Вот зачем я приплыл сюда, на другой конец океана. Помогите нам, мистер Фандорин, решить эту загадку. Остров Сен-Константен находится в частном владении, он принадлежит концерну «Океания». Посторонних туда не пускают. А нам очень нужно знать, не прячется ли там «Лилиевый маньяк», живой и невредимый.

— Неужели концерн может отказать представителям Британской империи, ищущим опасного п-преступника?

— Мы не можем действовать по официальным каналам. Я ведь говорил, что дело засекречено. Кроме того, мы должны сначала убедиться, что спасение Кранка было технически возможно. Для этого нужно, чтобы кто-то, обладающий соответствующим снаряжением и навыками, произвел разведку плантаций и всего подводного периметра острова. К сожалению, в Королевском военно-морском флоте субмарин не строят. Нет и водолазов, умеющих работать без скафандра. Мы навели справки и выяснили, что никто лучше вас и ваших помощников с таким заданием не справится.

От детективной работы Эраст Петрович отказался бы не задумываясь — надоело, но тут заколебался. Признаться, он был польщен. Подумать только! Ведущая морская держава

планеты обращается к нему за помощью.

— Если вы согласитесь, то получите очень хорошее вознаграждение, — вкрадчиво сказал Торнтон. — Я бы сказал, беспрецедентное. Не за результат — просто за согласие.

Хорошо зная скупость Скотленд-Ярда, Фандорин посулом не соблазнился. Да и какой гонорар сравнится с возможностью добыть двадцать тонн золота?

— Убийства девочек прекратились? — спросил он. — «Лилиевый маньяк» угомонился?

— Да, но...

— Тогда извините. Я слишком занят своей собственной работой. Придумайте какой-нибудь другой способ разгадать эту т-тайну.

— Я ведь вам не деньги предлагаю. — Торнтон достал из кармана какой-то конверт. — Кое-что получше. Предположим, найдете вы свой галеон. Знаете, что будет дальше? На него предъявит свои права голландская корона, поскольку здесь территориальные воды Нидерландов. Начнется разбирательство, которое в подобных случаях обыкновенно растягивается на долгие годы. А у меня вот здесь лицензия ее величества королевы Нидерландов, дающая вам право распоряжаться любыми морскими находками по вашему усмотрению.

Он достал бумагу с невозможной красоты

печатями, помахал ею в воздухе.

— Документ выдан по личной просьбе британского правительства. И отдам я вам лицензию прямо сейчас. Если вы дадите слово прибыть со своей субмариной на Тенерифе, где находится временный штаб расследования. Вас доставит специальный транспортный корабль. Ну же, это очень выгодное предложение. На галеоне, как я слышал, двадцать тонн золота? После судебного разбирательства вам достанется одна четверть. Стало быть, фактически мы предлагаем вам пятнадцать тонн золота.

— Если мне удастся обнаружить галеон, — заметил Эраст Петрович.

— Ну так и вы можете ничего полезного для нас не найти. А гонорар в любом случае ваш...

Торнтон выждал еще немного и прибавил:

— Подумайте еще и вот о чем. Если Кранк жив, он рано или поздно найдет себе новую жертву. Маньяки ведь не останавливаются. Эта кровь будет на вашей совести.

Психолог, внутренне усмехнулся Фандорин. У англичан в моем досье, вероятно, написано что-нибудь вроде «придает сугубое значение нравственно-этическим мотивациям».

— Ладно. Я п-подумаю.

Борьба за мировое господство в двадцатом

веке

*13 октября 1903 года. Пуэрто-де-ла-Крус. Остров
Тенерифе*

* * *

— Почему вы добирались так долго? Почти полтора месяца!

Такими словами встретил Сесил Торнтон сходящего по трапу Фандорина. Тон был не вкрадчивый и просительный, как на Арубе, а строгий, недовольный. Эрасту Петровичу напоминали, что он взялся исполнить работу и получил плату вперед.

Но ведь старший инспектор и Британская империя, которую он представлял, действительно наняли команду «Лимона-2» на службу — как нанимают любую водолазную бригаду. Поэтому отвыкший давать кому-либо отчет в своих действиях Фандорин сначала сдвинул брови и сверкнул глазами, но затем взял себя в руки и кротко объяснил:

— Видите ли, для скрытного плавания нужен перископ. У нас на лодке его не было, за ненадобностью. Пришлось менять к-конструкцию рубки. Мой инженер мистер Булль справился с этой технической задачей довольно быстро, но ведь

нужно было еще проверить прибор в море...

Небольшой английский пароход, переправивший лодку и ее экипаж через Атлантику, пришвартовался не в самом порту, а в уединенной бухте, зажатой между скал. Здесь, в полном соответствии с фандоринскими инструкциями, была оборудована небольшая база — с ангаром для субмарины и выводящим на глубокое место деревянным пирсом, на котором гостей и встретил Торнтон. Здесь же стоял небольшой кран, а по настилу были проложены рельсы, чтобы перемещать лодку в ангар, если понадобится сделать ремонт.

Пит Буль, не признававший глупых ритуалов, уже соскочил на причал, не поприветствовав инспектора и даже на него не взглянув. Инженера занимало лишь одно: правильно ли всё подготовили англичане, которые, по его мнению, недалеко ушли от русских по части умственных способностей. (Впрочем, мистер Буль относился неодобрительно ко всем на свете нациям, включая еврейскую, и делал исключение только для американцев, да и то лишь потому, что они, собственно, нацией не являются). По пирсу инженер пробежал рысцой, пригнувшись к настилу, словно охотничий пес, идущий по следу. Исчез в ангаре.

Тем временем Маса собственноручно стягивал

с «Лимона» брезент. Вот субмарина залоснилась круглыми серебристыми боками под tenerифским солнцем, таким же ярким, как арубское. Японец сложил руки по швам, поклонился лодке в пояс. И только после этого подпустил к ней стропальщиков.

— Ладно, не буду мешать, — сказал Торнтон, видя, что Фандорин смотрит не на него, а на кран. — Когда закончите, коляска доставит вас в отель. Там и поговорим.

Провозились часа два. Булль, естественно, остался всем недоволен. Маса, естественно, расшипелся на грузчиков за то, что они проявили к «Лимону» недостаточно почтительности. А когда субмарина уже покачивалась на волнах, закрепленная тросами, оба помощника, естественно, переругались между собой.

Во время плавания по океану Эраст Петрович заставил их подписать документ, согласно которому они клялись честью соблюдать во взаимоотношениях уважительность, поэтому пикировка между антагонистами теперь происходила своеобразно.

— Со всей уважительностью должен сказать, сэр, что в следующей жизни вы родитесь глистом, который живет в брюхе у свиньи, — говорил японец.

— А вы дурак, сэр, — презрительно парировал Пит Булль, придававший клятвам

меньше значения, чем Маса.

— Со всей уважительностью должен сказать, сэр, что ваша следующая жизнь наступит намного раньше, чем вы предполагаете, — багровел японец.

— А вы дурак, сэр, — звучало в ответ.

И так до бесконечности.

— Ну вот что, — не выдержал Фандорин. — Пакт учтивости отменяется. Я запрещаю вам общаться между собой. Все контакты только через меня. И жить будете п-порознь. Вы, Булль, располагайтесь в ангаре. Я знаю, вы все равно не захотите разлучаться с «Лимоном». Ты, Маса, едешь со мной.

— Он будет мне указывать, — пробурчал Булль. — Эрцгерцог выискался. Я и сам бы никуда отсюда не уехал. Моя складная койка при мне. Распорядитесь только, чтобы мне прислали мое диетическое питание. И проследите, чтобы ваша макака не подсыпала туда яду.

— *Маса, дамарэ* ² ! — рявкнул Эраст Петрович, схватил японца за шиворот и уволок за собой.

В коляске, катившейся по набережной маленького живописного городка, японец довольно

² Маса, молчать! (*яп.*)

быстро оттаял. Забыв про обидчика, он с интересом разглядывал местных сеньорит, а на некоторых, особенно понравившихся, даже оглядывался.

— Возможно, первая категория, господин. Очень возможно! — взволнованно объявил он. — Мне нравится остров Teneriffe!

У Масы, знатока и ценителя женской красоты, имелась своя система, по которой он оценивал обитательниц разных стран и местностей. Эта градация не вполне совпадала с общепринятой. Учитывались толщина, маслянистость кожи, затуманенность взгляда, доверчивость, пылкость, незлобивость и еще два десятка параметров, в том числе совсем гурманских вроде округлости мочки уха. По этой взыскательной шкале немки стояли много выше француженок, а первой категории Маса до сих пор удостаивал только красавиц русского Севера и Гавайских островов.

— Очень рад, — рассеянно ответил Фандорин, разглядывая город, который ему не нравился. Обыкновенный курорт: вывески на английском, повсюду реклама больших фирм, толпы туристов.

«Гранд Отель», к которому повернула коляска, был тоже самый заурядный, будто перенесенный сюда из Биаррица или Брайтона, разве что тропическая растительность несколько оживляла ординарную европейскую архитектуру.

Но над всей этой маленькой квази-Европой царила громада вулкана, словно задавая истинный масштаб мироустройства. Эраст Петрович задрал голову, но верхушки пика не увидел — она пряталась в облаках.

Вдруг сжалось сердце, будто пронзенное ледяной иглой. Такое с Фандориным случалось лишь в преддверии очень большой опасности.

Странно. Предстоящая работа не выглядела рискованной.

Мудрец сказал: «Благородный муж, если он не дурак, слушается предчувствий, ибо их посылает благосклонная Высшая Сила». Впрочем, по иному случаю, Мудрец сказал и другое: «Дурное предзнаменование для благородного мужа не повод, чтобы сойти с дороги». У любого настоящего мудреца всегда можно отыскать изречения взаимоисключающего свойства.

* * *

— Ну? Что скажете?

Терпение у Сесила Торнтона было истинно британское. За час, в течение которого Фандорин изучал криминальное досье, инспектор почти не шевелился. Но стоило Эрасту Петровичу отложить папку, прищуриться на крутящийся под потолком вентилятор и потянуться за нефритовыми четками,

как сразу же прозвучал нетерпеливый вопрос.

— Ч-чахотка, — пощелкав гладкими шариками, сказал Эраст Петрович. — На Арубе вы об этом не упомянули. Все три жертвы «Лилиевого маньяка» были не только однотипной внешности, но еще и болели чахоткой. Прозрачная кожа с голубоватым оттенком, тени в подглазьях, ощущение эфемерной хрупкости. Это раз... Теперь второе. Я взял с собой в плавание всё, что можно прочитать об острове Сен-Константен. Информации немного. Однако в газетах несколько статей о туберкулезном санатории, куда берут только девочек. Пишут, что тамошний курс лечения для мальчиков неэффективен...

Торнтон подался вперед:

— Вы полагаете, что санаторий стал для Кранка приманкой?

Покосившись на инспектора (взгляд означал: «Странно, что вы сами не обратили на это внимание»), Эраст Петрович не стал отвечать на этот риторический вопрос.

— Не было ли с прошлого апреля в санатории каких-нибудь инцидентов? Подозрительных смертей? Исчезновений?

— Нет, я бы знал. То есть больные иногда умирают, там ведь есть и тяжелые. Но ничего, что привлекло бы внимание полиции. На остров попасть без разрешения концерна «Океания»

нельзя, однако по испанскому законодательству обо всех преступлениях и правонарушениях администрация обязана сообщать в полицию Санта-Круса-де-Тенерифе.

Этот ответ удовлетворил Фандорина не вполне.

— Вы сами-то бывали на Сен-Константене?

— Нет. Пробовал, но не получилось. Здесь в Санта-Крусе есть контора концерна. Разрешения выдает она — и только тем, кого принимает на работу. Обычно это кто-то из местных рыбаков и ныряльщиков, но приезжают и издалека. Жалованье высокое, условия жизни хорошие. Все желающие проходят собеседование. Я попытался, даже дважды. Сначала попробовал выдать себя за механика — в свое время я, как и вы, закончил инженерный факультет. — Торнтон невесело усмехнулся. — Однако, в отличие от вас, отошел от техники. Меня срезали. Второй раз, как следует загримировавшись, чтобы не узнали, предложил свои услуги в качестве охранника (они охотно берут ветеранов армии, военно-морского флота, полиции). Тут-то я был в своих знаниях и навыках вполне уверен. Но все равно срезали. Поговорили о том, о сем, я ответил на все вопросы. Сказал, что ушел со службы, потому что мало платят. Нет, говорят, вы нам не подходите. Без объяснений. Может быть, и к лучшему, что не приняли...

Инспектор поежился, словно от озноба.

— П-почему «лучше»?

— Потому что в разное время я сумел отправить на остров трех своих людей. Один устроился электриком, другой водолазом. Третий — охранником... — Лицо Торнтона сделалось похоронным. — Первый упал со скалы и переломил себе основание черепа. Несчастный случай. Второй утонул на подводной плантации. Тоже несчастный случай. Третьим был тот самый Финч, о котором я рассказывал. Я внедрил Финча уже после нашей с вами встречи, месяц назад. Он прислал одно письмо, сообщил кодом, что с ним все в порядке. И с тех пор, вот уже три недели, не выходит на связь...

— Интере-есный островок, — протянул Эраст Петрович. — Послушайте, а может быть, чем б-бороздить глубины, лучше и я испытаю удачу, завербуюсь в конторе? Фотокарточки Кранка я видел, приметы изучил. Посмотрю, там он или нет. Заодно вашего пропавшего третьего поищу. У вас есть его снимок?

— Да, у меня при себе служебное удостоверение Финча. Вот. Здесь не видно, но волосы темно-рыжие. И особая примета: под правым глазом звездчатый шрам.

— Это след от пули. Странно, что он выжил, — заметил Фандорин, рассмотрев

фотографию.

— Да, Финч был тяжело ранен, но выполнил задание.

— Что это было за задание?

Инспектор потянул себя за ус.

— ...Задержание очень опасной шайки.

— Какой именно? — с интересом спросил Эраст Петрович, знавший все серьезные английские шайки.

— Давайте не будем отвлекаться. — Торнтон строго кашлянул. — Вам следует знать, что Финч — лучший из наших полевых агентов. С этим человеком не может произойти несчастного случая. И никому еще не удавалось застать его врасплох. Он способен проникнуть повсюду и всегда возвращается. Если даже Финч пропал, то уж вам-то тем более не следует идти аналогичным путем. Сделайте то, о чем мы договорились. Транспортировка вашей субмарины обошлась короне в немалые деньги.

Фандорин пожал плечами и промолчал. Выражение «уж вам-то тем более» ему не понравилось, но хозяин — барин. Была бы честь предложена. К тому же инспектор что-то слишком уж часто стал хвататься за ус.

— ...Кроме того, Кранка на острове вы вряд ли встретите, — продолжил инспектор. — Мои агенты успели присмотреться к обитателям

Сен-Константена. Профессора они нигде не видели. Если он и там, то прячется. Возможно, работает в лаборатории концерна и не высовывает носа.

— Расскажите мне о концерне «Океания» поподробнее, — попросил Эраст Петрович, у которого при слове «лаборатория» начала формироваться версия, способная разъяснить все эти загадки и недомолвки.

— Извольте. Это транснациональное акционерное общество, являющееся монополистом или, во всяком случае, безусловным лидером по технологическому использованию богатств мирового океана. Из традиционных морских промыслов они, пожалуй, занимаются только добычей жемчуга и поставляют на рынки камни самого высшего качества. Рыбной ловли и китобойного промысла не ведут, но владеют несколькими большими рыбконсервными заводами в Америке. Главный доход, впрочем, концерн получает от совершенно новой отрасли индустрии: производит парфюмерию, косметику и лекарства на основе морепродуктов. Здесь у «Океании» нет конкурентов. Данные по прибыли и дивидендам не разглашаются, поскольку в свободную продажу акции концерна давно уже не поступали, однако по нашим сведениям, речь идет о суммах по меньшей мере с семью нулями. В фунтах стерлингов! — значительно присовокупил Торнтон

и поднял палец, подчеркивая, что речь идет не каких-то там жалких долларах или, упаси боже, франках.

Затем он углубился в подробности географической и организационной структуры концерна: в каких странах у него есть филиалы, в каких городах представительства, как мудрёно «Океания» управляется через сложную систему профильных правлений и экспертных комиссий.

За полтора месяца, прошедшие после того, как Фандорин впервые услышал об острове Сен-Константен, он, разумеется, провел собственные изыскания и всё это отлично знал. Его интересовало не то, что расскажет инспектор, а то, о чем он умолчит.

Кажется, картина прояснилась.

— Ну вот что, Торнтон, — сказал Эраст Петрович, когда британец закончил. — Вы довольно поморочили мне голову. Или рассказывайте всё начистоту, без в-вранья, или я возвращаюсь на Арубу. Введя меня в заблуждение относительно ваших целей, вы нарушили условия нашего соглашения.

* * *

Инспектор молчал, растерянно хлопая светлыми ресницами. Такого оборота дела он,

кажется, не ожидал.

— Разве сэр Винсент не объяснил вам, что использовать меня вслепую не получится? Или он, глава британской криминальной п-полиции, тоже не посвящен в ваши дела?

Ответа снова не последовало. Быстротой реакции Торнтон не отличался.

— Хорошо, — вздохнул Фандорин. — Можете молчать. Мне и так всё ясно. Вы не работаете у сэра Винсента. Инспектора уголовной полиции не одеваются у дорогих портных и не говорят, как выпускники Итона. Это раз. Если вы и служите в Скотленд-Ярде, то в Special Branch, автономном управлении, занимающемся г-государственными и военными секретами. Это два. Вы упомянули о том, что лаборатория, где работал профессор Кранк, находилась в Портсмуте, а там главная база британского военного флота. Уверен, вам отлично известно, какой именно работой занимался Кранк. В этой работе всё и дело. Это три. Вас интересует не охота на маньяка. Вам нужно найти беглого ученого и похищенную им секретную документацию. Это ч-четыре... Погодите, — резко сказал Эраст Петрович, видя, что Торнтон снова хватается за ус. — Вы опять собираетесь лгать. Ради бога, пройдите курс по физиогномистике, для вашего ремесла это полезно. По крайней мере узнаете, что хватание за ус

является признаком скрытности и желания обмануть собеседника. А пунктов у меня еще много.

Англичанин отдернул руку и побагровел.

— Пятый вот какой. Вы следили за сбежавшим Кранком, чтобы установить, кому именно он намерен передать свои секреты. И когда ученый утопился посреди моря, это повергло вас в совершенный с-ступор. Однако вскоре вы узнали про отправленную бандероль и заинтересовались сначала островом Teneriffe, а затем Сен-Константемом и концерном «Океания». Это шесть. У вас возникло подозрение, что предполагаемое самоубийство было спланированной инсценировкой, операцией по изъятию профессора из-под вашего наблюдения. Это семь. И я знаю, кто эту операцию разработал...

— В самом деле? — спросил Торнтон, глядя на собеседника так, будто видел его впервые. — Послушаю. Интересно.

— Да ничего особенно интересного. Всё очень п-предсказуемо. Рассказывая о концерне, вы умолчали о том, что первоначально акционерное общество было создано на деньги немецкого банкирского дома «Зюсс». «Зюсс» — не вполне обычная финансовая корпорация. Она много лет тесно связана с прусским (теперь общегерманским) правительством. Например, незадолго до войны

1870 года произошел крупный скандал: на пике напряженности между Берлином и Парижем вдруг выяснилось, что один из кузенов Наполеона Третьего тесно связан с Зюссами и, вероятно, выдает им военные секреты. Принца не то изгнали за пределы Франции, не то он бежал сам, но с тех пор истинное лицо банка «Зюсс» перестало быть тайной. Вы так старательно обошли тему германского происхождения концерна «Океания», что окончательно подтвердили мои предположения. Германия пытается оспорить британское господство на море и быстрыми темпами наращивает свой военный флот. Под вывеской частного предприятия немцы приобрели остров, расположенный в стратегически важном пункте Атлантики, и устроили на нем секретную б-базу. Переманили у вас Кранка, занимающегося какими-то важными исследованиями, и переправили его на Сен-Константен. Никаких убитых девочек, равно как и «Лилиевого маньяка», вероятно не существует. Вы придумали эту историю — отдаю должное, очень ловко, — чтобы заручиться моей помощью. А на идею вас натолкнула реклама туберкулезного детского санатория. Вам действительно ни к чему мой детективный опыт. Вам нужно выяснить, чем занимаются германцы на отмелях близ острова Сен-Константен. Это была дедукция. Теперь

перехожу к резюме. Оно будет коротким.

Сложив руки на груди, Эраст Петрович прошелестел (он всегда говорил тихо, когда злился):

— Разбирайтесь со своими военными секретами сами. Я российский подданный, и мне что вы, что немцы — всё едино. Мы уезжаем. Лицензию от голландской королевы я оставляю себе в уплату за доставленное б-беспокойство.

Старший инспектор — или кем он там был на самом деле — вскочил со стула в сильнейшем волнении.

— Подождите! Дайте мне объясниться... Сэр Винсент предупреждал, что с вами нужно в открытую. Моя вина, не послушался... Но он настоял, чтобы на этот случай я взял еще одно письмо. Запечатанное. Я даже не знаю, что в нем...

Порывшись во вместительных карманах своего сэвилроуского пиджака, Торнтон выудил оттуда конверт с точно такой же монограммой, как на первом рекомендательном письме. И почерк был тот же, только текст длиннее и написан менее аккуратно — в некоторых местах от пера разлетались чернильные брызги.

*«Дорогой мистер Фандорин,
если Вы читаете это письмо, значит,
аргументы мистера Торнтона на Вас*

не подействовали, либо же он неправильно себя с Вами повел. Я хочу обратиться к Вам как к человеку, для которого борьба со Злом не пустой звук. Не знаю, в чем именно заключается ценность профессора Кранка и его секретов для мистера Торнтона и его начальников и, признаться, меня это занимает меньше, чем пристало бы подданному Империи и должностному лицу. Но я видел мертвых девочек, из которых по капле вытекла вся их детская кровь. Эти белые лица снятся мне чуть не каждую ночь. И мне не будет покоя до тех пор, пока убийца не получит воздаяния за свои злодеяния.

Людам, которые передали Вам это письмо, нет дела до трех маленьких жизней. Они живут законами больших чисел, где считается нормальным жертвовать немногим ради многого. У нас с Вами иное ремесло. Для нас с Вами маленьких жизней и прощительных злодеяств не бывает. Прошу Вас, Фандорин, найдите это чудовище. Поступите с ним так, как оно заслуживает, и к черту мистера

*Торнтон с его высшими
государственными интересами».*

— Ну что? Сэр Винсент привел аргументы, которые могут на вас подействовать? — с тревогой спросил Торнтон.

— Что? — рассеянно переспросил Фандорин, думая, что ошибся в одном: убийства не выдуманы и «Лилиевый маньяк» действительно существует. — Сэр Винсент как всегда убедителен. Если вы хотите, чтобы я проник на Сен-Константен и попробовал найти там вашего профессора — извольте, я г-готов. Но рыскать под водой, вынюхивая германские секреты — слуга покорный.

Слегка покривившись, британец сказал:

— Прошу вас, сядем и потолкуем как вы любите — без утайки. Я выложу на стол все карты и вы поймете всю огромную важность порученного мне дела... Германский Адмирал-штаб разработал план создания принципиально нового военного флота. Немцы знают, что по количеству броненосцев и крейсеров им за нами не угнаться. Они намерены сделать ставку на нетрадиционные методы морской войны. Сейчас на верфи в Киле создается первая в мире подводная лодка полностью на электричестве. Если образец окажется удачным, кайзер запустит целую программу боевых субмарин, которые будут

невидимы для нашего надводного флота. Другая особенность германской стратегии — массивное производство маленьких, маневренных, высокоскоростных миноносцев, которые дешевы и быстры в изготовлении. Эффективность кораблей этого класса всецело зависит от качества торпедного оружия. Профессор Кранк — ведущий специалист по изобретению торпед и торпедных аппаратов. Наши люди сумели переманить его у немцев и тайно вывезти в Англию, где Кранк получил собственную лабораторию. В последнее время он работал над взрывчаткой нового типа, очень компактной и очень мощной. Она уже получила название «кранкит», хотя исследование еще не было завершено. Профессор один контролировал ход изысканий, кодировал все данные одному ему известным шифром... Когда Кранк исчез, мы довольно быстро вышли на его след. Тайный обыск ничего не дал — документации у него в багаже не было. Мы думали, что профессор всю ее уничтожил, храня данные в голове — у него феноменальная память. Хотели выяснить, куда именно он убегает. Ведь ясно же, что немцы переманили его обратно и что он будет работать на какой-то их секретной базе... Остальное вам известно.

— Я, конечно, п-польщен, что вы посвятили

меня в ваши военные тайны, однако же не понимаю, почему эти сведения должны на меня подействовать.

— Да как же так?! — воскликнул Торнтон. — Разве ваша страна, Россия, не участница Большой Игры за сферы влияния в мире? Британская и Российская империи — как кит и слон. У нас самый сильный флот, у вас самая сильная армия. Нам враждовать негде и незачем. А вот Германия представляет угрозу и для нас, и для вас. Ее сухопутные силы быстро крепнут и растут, претендуя на первенство. Теперь то же происходит и на воде. Мы должны объединить усилия, иначе обе наши державы окажутся в проигрыше. Подумайте о германской активности в Китае и Персии. Неужто вас это не беспокоит? Вы не похожи на человека, лишенного государственного мышления!

— В самом деле? — Эраст Петрович подавил зевок. Ему еще в эпоху чиновничьей службы до смерти надоели теоретизирования о великих державах и их великой миссии. — Однако же мне совершенно безразлична германская активность в Китае и П-Персии. Для обороны собственных границ сил у России более чем достаточно, а чужого нам не нужно. *Со своим-то управиться не умеем*, — пробормотал он по-русски.

— Что, извините?

— Прощайте, сэр. Раз я не нужен вам для розыска «Лилиевого маньяка», наши отношения закончены. Я, конечно, не рассчитываю на то, что ваш пароход доставит мою субмарину обратно на Арубу, но ничего, зафрахтую какое-нибудь местное судно. Всё, разговор закончен.

* * *

Однако спору о месте и роли России в современном мире в тот день суждено было продолжиться — хоть уже и без участия Фандорина, но в его присутствии.

Едва выгруженный «Лимон-2» снова готовили к погрузке, хотя судно, готовое совершить ближайшее плавание на Арубу, еще предстояло найти. Укладывали обратно в ящики и коробки всякий мелкий багаж, которого у субмарины было, как у модницы, отправившейся путешествовать: запчасти на случай поломок, двенадцать видов масла, электропровода, банки с краской, инструменты, и так далее, и так далее.

Пит Буль с Масой дискутировали, Эраст Петрович помалкивал.

Японец провел время в гостинице с большей пользой, чем его господин. При бесплодной беседе с Торнтоном не присутствовал, зато успел свести тесное знакомство с горничной и очень огорчился,

когда узнал, что нужно съезжать. Теперь он ворчал и сетовал на суетливость, недостойную истинного самурая: «Ехари-ехари, приехари, обратно поехари. Дазе на Тенерифе-яма не поднярись! Какое неуважение!». Но когда Булль закатил Фандорину настоящий скандал с криком и швырянием инструментов на песок (человека можно было понять, он только-только закончил устраиваться на берегу), Маса проявил себя верным вассалом.

— Ресения гаспадзина не обсуждаются, а исполняются, — строго изрек он.

С этого всё и началось.

— В этом-то и проблема вашей «Расеи»! — обрушился на него Булль. — Вы никогда не смеее обсуждать решений начальства! Поэтому и исполняете их из рук вон плохо. А потому что это не ваши решения, вы никак не участвовали в их принятии.

— Мистер Бурь забурькар, — саркастически заметил Маса по-русски, обращаясь к Фандорину, но тот погрозил ему пальцем — помни подписанный договор об учтивости, и японец перешел на английский, более пригодный для учтливового разговора: — Если у России и есть недостаток, то вовсе не тот, о котором вы упомянули, уважаемый сэръ.

— В самом деле? А какой же? Любопытно будет послушать, — язвительно оскалился

инженер.

— Недостаточное уважение нижестоящих к вышестоящим и вышестоящих к нижестоящим, — изрек Маса. — Когда к власти относятся с почтением, не возникает желания оспаривать ее повеления. К сожалению, в России власть и подданные относятся друг к другу с недоверием и не чувствуют себя одной семьей, в которой есть старшие и младшие. Нужен государь, являющий собой образец мудрости и самоотверженности. Нужны министры и самураи, честно служащие долгу и заботящиеся о своем добром имени. Тогда простолюдины перестанут думать о бунте и мечтать о демократии. В хорошей семье демократия не нужна.

— Вы слышали, что несет это сын микадо? — воззвал Булль к Фандорину.

Эраст Петрович сделал вид, что занят проверкой комплектности запасных деталей для генератора.

— Семья, господин азиат, это папа, мама, братья с сестрами, бабушка с дедушкой. Те, кого нужно любить. Близкие. А государство — это механизм, позволяющий множеству семей, населяющих страну, разумно и удобно сосуществовать друг с другом. И не более того! До тех пор пока вы, русские, этого не поймете, ни черта у вас не получится!

— Любовь к отечеству и память предков тоже механизм? А знамя Родины, наверное, — ветошь, которой этой механизм протирают? — вскричал Маса. — Многие из вас так рассуждают, причем самые умные! Из-за этого у нас в стране и нет гармонии! Но она появится, вот увидите. Инь и Ян придут в равновесие, и тогда Россия заживет по-другому.

— Лопнет ваша Россия, как мыльный пузырь, если не научится управлять собою сама.

«И заспорили славяне, кому править на Руси», подумал Фандорин, оглядывая пирс, на котором стояли готовые к погрузке ящики. Уже стемнело, но луна еще не вышла. Освещенный фонарями причал сиял во тьме, словно театральная сцена. Окружающий мир — шелестящий листвою невидимый берег, пошумливающее волнами невидимое море — казались зрительным залом, откуда за актерами наблюдает тысяча глаз. Ощущение было столь явственным, что Эраст Петрович вгляделся в темноту пристальной. Но пожал плечами, вернулся к делу. Если мистеру Торнтону зачем-то понадобилось установить за подводниками слежку — пускай. Объяснение состоялось, решение объявлено, и оно не переменится.

Фандорин повернулся спиной к сумрачному берегу и тем самым нарушил одно из главных

правил клана «крадущихся»: не верь темноте.

Хрустнула галька. Эраст Петрович и Маса быстро обернулись, по оттенку этого звука поняв, что кто-то пытается бесшумно подкрасться к причалу. Однако было поздно. В освещенный круг ступили пять черных фигур: одна — та, что посередине, — чуть впереди, остальные поотстав. У переднего в руке поблескивал маленький пистолет (кажется, самозарядный «браунинг»), четверо прочих были вооружены посерьезней — короткоствольными карабинами «уэбли-скотт», которые, как было отлично известно Фандорину, изготавливались по специальному заказу Особого отдела Скотленд-ярда. Поэтому, даже еще не разглядев лица предводителя ночных гостей, Эраст Петрович со вздохом сказал:

— Добрый вечер, мистер Торнтон. Давно не виделись...

— Поднимите руки. И ваш японец тоже, — напряженным голосом приказал британец. — Я слышан о ваших восточных фокусах. Малейшее движение — открываем огонь. Мистер Булль может просто остаться на месте, но дергаться тоже не советую.

Он осторожно приблизился, однако на пирс так и не поднялся. Его люди остались еще дальше, шагах в пятнадцать — это свидетельствовало о том, что в Особом отделе действительно хорошо

осведомлены о физических возможностях Фандорина и его помощника.

— Я ведь, кажется, ясно вам дал понять, что работать с вами не б-буду. Неужели вы думаете, что несколько наставленных дул могут побудить меня изменить свое...

— Молчать! — оборвал его Торнтон. — Вы не оставили мне выбора, так что пеняйте на себя. Я арестовываю вас и ваших людей.

Эраст Петрович удивился:

— На испанской территории? И на каком, собственно, основании? Разве мы нарушили закон?

— Вы вынудили меня сообщить вам информацию, которая касается жизненных интересов империи. В подобных случаях я уполномочен действовать в соответствии с особыми инструкциями. А они предписывают мне, — Торнтон угрожающе повысил голос, — «без колебаний и каких-либо ограничений устранять любое обстоятельство, представляющее прямую и непосредственную угрозу для Короны». Вы можете выдать потенциальному противнику план нашей операции, а это безусловно станет прямой и непосредственной угрозой для стратегических интересов Короны и ее безопасности.

— Судя по тому, что вы не стали п-палить из темноты, дальше последует предложение не упрямитесь и выполнить ваше задание, — вздохнул

Фандорин. — Но знаете, я думаю, у вас не хватит духу пристрелить двух российских подданных и американского гражданина. Так что катитесь к черту и не мешайте работать.

Британец тихонько рассмеялся.

— На своей Арубе вы сильно отстали от новейших методик в тайной борьбе между великими державами, Фандорин. Операции, которой я здесь руковожу, придается сверхважное значение. Неподалеку, в нейтральных водах, дежурит крейсер «Азенкур». При необходимости я могу отдать распоряжение высадить на Сен-Константен морскую пехоту, наплевав на международные законы и дипломатические осложнения. А уж с вами тем более церемониться не буду. Убивать, конечно, я вас не стану, но, если откажетесь сотрудничать, изолирую. Будете сидеть в трюме «Азенкура» до конца операции. Так что выбирайте.

Теперь угроза была не пустословной, а совершенно реальной — Фандорин сразу это понял и нахмурился. Сидеть черт знает сколько времени в железном ящике не хотелось, но и уступить давлению было нельзя.

— Я засужу вас и вашу дурацкую Корону на такую сумму, что Британии придется объявить себя банкротом! — крикнул мистер Буль, до сего момента каким-то чудом помалкивавший и только

водивший головой из стороны в сторону — с Торнтон на Фандорина. — Вся свободная пресса будет писать о ваших идиотских тайнах! Это вам гарантирую я, Питер Буль, гражданин Соединенных Штатов Америки! Попробуйте только лишить меня свободы! Я раскрошу вас в труху! — вопил инженер, впадая в привычное свое состояние — ярость. — Я обрушу на вас небо! Я испепелю вас громом и молнией!

Он задрал голову к небу, на котором начинали проступать пока еще бледные звезды, воздел длинные руки и махнул ими на англичан, словно в самом деле намеревался пронзить их огненными стрелами.

Эраст Петрович вообразил, что стал жертвой галлюцинации: мрак действительно озарился молниями. Только ударили они не сверху, а снизу, из темных зарослей, окружавших бухту. Там полыхнули огненные вспышки, грянул многоголосый гром. Казалось, что неистовый гнев Бога — то ли американского, то ли еврейского — обрушился на обидчиков Пита Булля.

Торнтон, уронив с головы котелок, упал лицом вниз. Его люди тоже были сшиблены с ног ... Один было приподнялся и даже повернул к кустам свой «уэбли-скотт», но громы-молнии изверглись еще несколько раз и несчастный обмяк.

Эраст Петрович пребывал в ошеломлении

лишь долю секунды, а затем распознал «громы» по особенному сухому, будто кашляющему оттенку. Это были мощные пистолет-карабины системы «маузер», и огонь из них вели по меньшей мере семеро стрелков.

— Ложись! — крикнул Фандорин, бросаясь на настил. Резонно было предположить, что, расправившись с вооруженными людьми, невидимые враги откроют огонь и по безоружным.

Маса упал на доски, очень грамотно перекатился по ним и пропал, перевалившись через дальний край причала. Эрасту Петровичу сделать то же самое помешало досадное обстоятельство в лице американского гражданина. Тот торчал оглоблей, разинув рот и растопырив руки. Пришлось подняться, подбежать к нему, опрокинуть и оттащить к спасительной кромке пирса. Ошалевший Булль еще и мешал, брыкался.

— Halt! Nicht bewegen! Не двигаться!

По деревянному настилу стучали быстрые каблуки. Обернувшись, Фандорин понял, что не скроешься: к нему приближались какие-то люди. Так и есть: раз, два, три... семеро. В руках — «маузеры».

Тот, что, очевидно, был начальником, тихо отдал короткое распоряжение (Эраст Петрович

разобрал только «um sicher zu sein»³). Двое спрыгнули на песок — туда, где лежали застреленные британцы. Один за другим прогремели выстрелы. Пять.

Медленно поднявшись и подав руку хлопающему глазами Буллю, Фандорин сказал по-немецки:

— Я вижу, методы тайной войны в самом деле сильно изменились. Раньше в мирное время разведки так легко не убивали.

Плотный бритый человек с безгубым, словно прорубленная щель, ртом и сверкающими холодным огнем глазами не поддержал светской беседы.

— Вы русский сыщик Фандорин, — сказал он. — Я слышал, Торнтон назвал вас по имени. Я знаю, кто вы такой. Наслышан. Но не знал, что вы освоили подводное плавание. — Лобастая голова коротко качнулась в сторону невидимой во тьме субмарины. — Мое имя Шёнберг. Майор Шёнберг. И я не люблю лишних слов. Поэтому я спрашиваю — вы отвечаете. Ясно?

Он выразительно качнул длинным стволом. Эраст Петрович медленно наклонил голову.

Ай да Германия, думал он. Прав был

³ Чтобы наверняка (нем.)

покойник: эта молодая хищница даст старым сто очков вперед. Секретная «операция», которую готовили англичане, для пруссаков секретом не является. Где ты, бывлая немецкая сентиментальность? Вот так, запросто, уложить на месте пятерых агентов службы его британского величества? Ого!

— Вы очень убедительны, герр майор, — почтительно молвил Фандорин и, будто бы в смятении, сделал шаг в сторону. В принципе, если дело примет совсем скверный оборот, можно попытаться двинуть Буллю ногой так, чтобы он вылетел за пределы пирса. Без американца откроется свобода маневра. Правда, семь хорошо подготовленных *Wolfhunde*⁴ с «маузерами» наизготовку — это многовато...

— З-задавайте ваши вопросы.

Вопросы часто сообщают больше, чем ответы на них. Посмотрим, что интересуется этого мордатого мясника.

Еще шажок, чтобы размах был пошире.

Черт! Дубина Булль, начисто утративший всегдашнюю ерепенистость, подался за Фандориным. Впрочем, нормальная человеческая реакция. Всякий, у кого перед глазами только что

⁴ Волкодавов (нем.)

убили пятерых, оцепенеет от ужаса.

— Стойте, где стоите! — приказал Шёнберг. — Вопрос первый: с каких пор русские действуют в союзе с британцами?

— Ни с каких. Я частное лицо. Если вы обо мне наслышаны, то должны это з-знать.

Из темноты, под конвоем двух агентов, которые несколько минут назад добивали англичан, вышел Маса, держа руки над головой.

— Я вернулся сам, господин, — сказал он по-японски. — Что будем делать? Вы уже решили?

Майор рявкнул:

— Молчать! Встать здесь и молчать!

Масу поставили между Фандориным и Буллем.

Поглядев на помощников Эраста Петровича, немец поморщился:

— Еврей и азиат... Вы и сами-то нация сомнительной чистоты, так еще якшаетесь с неполноценными расами. Это Россию и погубит.

Сегодня просто конкурс версий относительно того, что именно погубит Россию, подумал Фандорин.

— Я видел, как вы выгружали с парохода подводную лодку, — сказал майор. — Интересная конструкция. Не знал, что русские настолько продвинулись по части производства субмарин. Торнтон решил обратиться к России за помощью

из-за этого аппарата? Людей-то у англичан без вас хватает.

— Повторяю еще раз: я ч-частное лицо, и субмарина — моя личная собственность.

— Ну да, конечно. — Шёнберг усмехнулся углом своего проваленного рта. — Мне, собственно, плевать. Но субмарина мне пригодится. Вы хотите жить?

— Зависит от условий ж-жизни, — философски ответил Эраст Петрович.

— Условия простые. Будете делать то, что я прикажу. Сколько людей помещается в вашу лодку? Это весь ваш экипаж?

— Да.

— Значит, трое. Управляете аппаратом вы?

— Я.

— Что делают еврей и азиат?

— Мистер Бульль — инженер-механик.

Господин Сибата — водолаз.

Майор кивнул, что-то прикидывая. Свой «маузер» он опустил, и это было неплохо, но остальные шестеро, к сожалению, не расслаблялись. Двое стояли ближе к Масае, четверо — ближе к Фандорину, полукругом. Дистанция от трех до пяти шагов.

— Меня не занимают ваши сыщические секреты, Фандорин, — задумчиво произнес немец. — Но мне очень пригодится ваша

субмарина. Ее просто бог послал. Так вы будете на меня работать?

Определенно в качестве подводника я ценюсь много выше, чем в качестве детектива, подумал Эраст Петрович. Вот что значит идти в ногу с прогрессом.

— Боюсь, вы не сумели меня достаточно заинтересовать, — иронически заметил он вслух. — П-приложите больше усилий.

В следующую минуту произошло нечто, начисто отбившее у Фандорина охоту иронизировать — до самого конца этой запутанной и даже невероятной истории, стоящей особняком среди множества головоломных расследований, которыми Эрасту Петровичу довелось заниматься в жизни.

— Хорошо, — кивнул герр майор. Вскинул руку с пистолетом и выстрелил Питу Буллю в лоб.

Инженер умер мгновенно, еще до того, как его тело тяжело ударилось о пирс.

— Так убедительней? — спросил Шёнберг у оцепеневшего Фандорина и навел дуло на Масу. — Водолаза будет заменить несколько сложнее, чем механика, но я решу эту проблему. Убить азиата или вы уже достаточно заинтересованы?

Вряд ли пылкая душа Пита Булля успела отделиться от плоти, прежде чем ее догнала

ледяная душа Шёнберга. Маса проломил майору кадык бешеным ударом кулака, развернулся на левом каблуке и впечатал носок правого ботинка в переносицу соседнему агенту. Вышиб у другого из поднятой руки «маузер», отбил локтем неловкий, панический хук и впервые в жизни применил прием «таран», про который прежде только читал в специальной литературе и сомневался, осуществим ли он на практике: стальными пальцами пробил под ребрами врага дыру и вырвал пульсирующее сердце.

Яростный вой, который издавал японец, проделывая эти ужасающие манипуляции, занявшие не более двух секунд, был так высок и пронзителен, что у Фандорина заложило уши.

Эраст Петрович тоже не стоял на месте. Отстав от своего помощника всего на пол-мгновения, он шагнул вперед и одновременно, обоими кулаками, оглушил двух немцев — тех, что находились на дистанции в три шага. С остальными двумя, до которых было пять шагов, пришлось немного повозиться. Они успели отскочить, и левый даже выстрелил, но пуля прошла выше, потому что Фандорин перешел в партер — кинулся противникам под ноги. Длинной подсечкой сбил стрелявшего, второго достал точечным ударом в пах, а когда зашибленный охнул и согнулся, притянул за голову к себе и свернул шею.

Упавший полз за отлетевшим в сторону пистолетом. Эраст Петрович в прыжке обрушился ему на спину, схватил одной рукой за лоб, другой за подбородок. Хруст, всхлип, кончено.

— Погоди, я их допрошу! — крикнул он, видя, что Маса, покончив со своими, бросился к двум оглушенным.

Но японец по-прежнему иступленно визжал и ничего не слышал. Страшной, окровавленной по локоть рукой он нанес два коротких удара. Допрашивать стало некого.

Фандорин поднялся на ноги, потрянул головой, прогоняя багровую пелену, туманившую взор. В бою нельзя терять так называемый «третий глаз» — то есть нужно все время мысленно видеть происходящее словно бы со стороны. Но Эраста Петровича всего трясло. За время безмятежной арубской жизни он отвык убивать и стал забывать о том, какой мир на самом деле.

Мир же был вот какой.

Только что, в считанные минуты, на маленьком пяточке прервались тринадцать человеческих жизней, а море шелестело всё так же ласково, тропические заросли пряно благоухали, звезды лучились южной негой, да еще и выглянула сиропно улыбчивая луна.

Мерный стук привел Фандорина в чувство.

Это Маса, стоя на коленях перед телом Пита Булля, клал покаянные поклоны, бился лбом о настил.

— Я не сумел вас уберечь, Бурь-сан, — плакал он, — мне нет прощения. Мне нет прощения! Мне нет прощения!

Инженер лежал на спине, обратив к луне мертвое серебряное лицо. Судя по его надменному выражению, рассчитывать на прощение Маса с Эрастом Петровичем не приходилось.

Развитие действия

Распрекрасная жизнь

22 октября 1903 года. Остров Сен-Константен

Этой самой Лавинии давно нужно было дать от ворот поворот. Что она лезет со своей дружбой? Во-первых, дружить вообще ни с кем не надо, потому что привыкнешь к человеку, а она возьмет и помрет. Во-вторых, уж во всяком случае нельзя дружить с тем, у кого на лице Печать. Глаз у Беллинды на такие вещи был зоркий, она про каждую тутошнюю девчонку могла сказать, у кого есть Печать, а у кого нет. Те, что с Печатью,

помрут. У них особенный жалостный блеск в глазах и кожа будто воском натертая.

Лавиния тоже такая. Вроде и не кашляет почти, на щеках иногда бывает румянец, а пушистые ресницы, для которых у нее есть специальная крошечная щеточка, сияют и золотятся, как у здоровой, но не жилища, это точно.

После ужина подходит, вся такая с умильной улыбочкой, протягивает букет лютиков и сю-сю-сю по-английски, со смешным лягушачьим акцентом:

— Это тебе. Я в саду нарвала.

— Ненавижу лютики, — отрезала Беллинда. — И вообще не подкатывайся. Ты мне не нравишься.

На знаменитых ресницах мгновенно засверкали капельки. Как и все тут, Лавиния обожала пустить слезу.

— Я знаю, почему ты так со мной! Ты думаешь, я скоро умру!

Подобной проницательности от дуры Беллинда не ждала и удивилась, но не сильно. В сущности, все тут одинаковые, все с утра до вечера думают об одном и том же.

— А я тебе вот что скажу, — всхлипнув, зашипела Лавиния, уже не девочка-конфеточка, а злобная маленькая сучка. Такой она Беллинде, пожалуй, понравилась больше. — Ты умрешь первая! Ты *скоро* умрешь! У тебя пойдет кровь

горлом! Или ты ночью задохнешься от кашля! Или еще что-нибудь! Я умею это видеть! И я приду на твою могилу и положу туда твои ненавистные лютики.

Пророчества Беллинда не испугалась, она была не из пугливых. Только подумала: ишь ты, я шарахаюсь от тех, что с Печатью, а эту наоборот к ним тянет. Интересно.

Оскалилась:

— Договорились.

Лавиния, давась от слез, а потом от кашля, покатила прочь по коридору — и налетела прямо на Кобру.

— Не ссорьтесь, крошки, — сказала та, действительно очень похожая на очковую змею — длинная, тощая, с большущей башкой и в роговом пенсне. Прижала к животу кхекающую плаксу, погладила по золотым кудряшкам.

Поманила Беллинду:

— Подойди и ты.

Делать нечего, подошла. Сделала улыбочку.

Кобра погладила по лбу и ее — будто деревянной дощечкой провела, да еще ледяной. Хотя дерево вроде ледяным не бывает. Рука сильная, здоровущая, как у мужчины, с коротко остриженными ногтями.

К Лавинии, которая приехала из Бельгии, директриса обращалась по-французски, к Беллинде

по-английски. Выговор жуткий, такой немецкий-немецкий, но понять можно.

— Смотрите, какой красивый закат, мисс, — проворковала Беллинда, чтобы Кобра ее уже выпустила.

— О да. — Директриса тереть голову перестала, но обняла обеих девочек за плечи и подвела к окну. — Ваши благодетели поставили санаторий в очень красивом месте. Всё, как на ладони: берег, море. А скоро мы все пойдем восхищаться прекрасным закатом. Можно каждый день любоваться на этот чудесный Божий мир!

За три месяца Беллинда этим видом уже так налюбовалась, что ее чуть не вытошнило прямо на подоконник.

Дом, это правда, стоял выше поселка и порта. В так называемом саду (на самом деле это была просто площадка, похожая на лысину с редким зачесом) полагалось гулять парами. За территорию ни-ни. Разрешается: тихо играть в рекреации, тихо читать в библиотеке. Кому доктор Ласт назначил разрабатывать легкие — поют хором божественное. Еще можно на выбор учиться рукоделию, рисовать акварелью или ухаживать за каким-нибудь деревцем. Беллинда выбрала последнее, потому что это давало возможность находиться вне пределов дома в одиночку. За ней закрепили фикус, который она исправно поливала и уважала за стойкость

характера. Фикус был вроде нее: такой же чахлый, но не сдающийся. И его тоже привезли издалека. Земли на острове не было, одни камни. Каждое деревце росло в кадке, для цветочных клумб и газонов Кобра заказывала грунт на Тенерифе.

За исключением пейзажа, который осточертел, потому что каждый вечер девочек специально приводили «восхищаться закатом», Беллинде здесь вообще-то жутко нравилось.

Нет, правда. Жизнь в санатории была распрекрасная. Море шикарное; интригующая гора — близкая, но недоступная; просоленный воздух, интересно пахнувший водорослями ветер; хмурые валуны, на которых иногда можно увидеть варана. Одного, особенно безобразного, бородавчатого, Беллинда упорно и пока безуспешно пыталась потихоньку прикормить. Был у нее секретный план: запустить этокое чудище немножко побегать по коридору. Ух, что бы началось! А кто виноват? Никто не виноват. Дверь не надо оставлять открытой, вот что. План был трудный в осуществлении, но грел душу.

Что еще?

Кормят лучше, чем дома. Жизнь несравненно интереснее. Нет ни одного мальчишки, за что отдельное большое спасибо. Всю жизнь, сколько себя помнила, Беллинда не могла уразуметь, зачем они вообще Господу Богу понадобились. Злые,

глупые, грязные, жестокие, совсем ничем не интересные. Когда вырастают и становятся мужчинами — еще ладно, хоть польза есть. Но будь ее, Беллиндина, воля, лет до тридцати всех следовало бы держать в изоляции, под строгим присмотром. И к людям выпускать не иначе как после сдачи экзаменов на культурное поведение.

Самое отрадное, что никто над тобой не вздыхает, не прячет глаз, не шушукается за спиной, как дома. Папочка с мамочкой, поди, счастливы, что сплывили дохлятину за тридевять земель. Не надо тратиться на докторов и лекарства, никто не будит кашлем по ночам. Мать однажды — Беллинда подслушала — шепотом говорила тете Софи: «Для остальных детей это будет таким потрясением! Даже не знаю, как они переживут! Одна мысль о гробике в гостиной приводит меня в трепет!». А так загнали в санаторий — никакого гробика, никто не расстраивается. Все равно что уже похоронили. И Беллинда тоже их всех похоронила: родителей, братьев с сестрами. Может, кроме одной Бесс. Насчет нее будет видно.

Умирать Беллинда не собиралась. Даже не думала про это — не хватало времени. Вокруг было слишком много всякого интересного. И потом, она чувствовала себя здесь гораздо лучше, чем в Англии. Хорошо дышала, кровью почти не харкала, а спала так, что еле добудишься. Хотя это-то

неудивительно, если учесть, как она обычно проводила ночи.

Нынешняя обещала быть особенно увлекательной.

Беллинда с нетерпением ждала, пока завершатся обычные вечерние глупости.

Сначала водные процедуры: кому душ из горячей морской воды (настоящее блаженство), кому — обтирание холодной мокрой губкой (фи). Это доктор Ласт во время посещений назначал, кому что. Кто много кашляет или плюется кровью — в душ нельзя. Но Беллинда отлично освоила искусство беззвучного кашля, а кровь если что сплевывала в специальную бутылочку, губы же вытирала ватой, которая всегда при себе. У Кобры тихая, покладистая девочка числилась в выздоравливающих.

А она и была выздоравливающая. Разглядывая себя в зеркале после душа, Беллинда мечтала о том, как уже окончательно выздоровеет и станет нормальной, не такой как сейчас. Ведь смотреть противно: кожа лилового оттенка, как у привидения, под глазами будто чернилами намазано, тьфу!

Кстати, вот еще один важный плюс жизни в санатории. Можно никому не завидовать — все такие же страхолюдины, как ты сама: бледные мощи, ножки-спички, бедра как у скелетов.

— Не стой с мокрыми волосами, простудишься!

Это откуда ни возьмись — Кобра.

— После душа надо вытирать голову очень сухо. И быстро замотать полотенцем! При туберкулезе главное — аккуратность и режим, сколько раз повторять! Вы все будто нарочно стараетесь себя погубить! Но я этого вам не позволю. Вы у меня выздоровеете, даже если не хотите, не будь я Хильда Шлангеншванц!

Под грозным взором серых немигающих глаз все девочки цепенели, как загипнотизированные кролики. Беллинда, хоть Кобру нисколечко и не боялась, тоже сделала вид, что дрожит.

И чудище сменило гнев на милость.

— Бедный ребенок, у нее мурашки. Иди сюда, я буду вытирать твои волосы.

— Данке шён, — умильно произнесла Беллинда, точь-в-точь как говорила Берта по прозвищу Немецкая Глиста. — Спасибочки, я сама.

Знаем, как ты вытираешь. Весь скальп сдерешь своими ручищами.

* * *

После водных процедур всех загоняли на молитву, а потом — по комнатам, спать.

И начиналась настоящая жизнь.

От молитвенного занудства Беллинда очень ловко отделалась. В самом начале, когда только приехала, объявила себя еврейкой — и получила лишних полчаса свободы. В Бога она верила, но знала твердо, что никакие дурацкие молитвы Ему не нужны. Богу надо, чтобы ты жил изо всех сил и не куксился.

План был такой: пока дуры протирают коленки в двух часовнях, протестантской и католической, как следует приготовиться к ночной экспедиции. Днем такой возможности не было — все время на людях.

В первые недели Беллинда страшно бесилась от санаторной жизни. Ведь живем на острове, под настоящим вулканом, посреди океана! Здесь чего только нет! А вокруг кислые рожи, лечебные процедуры, чинные гуляния по саду, и ни шагу за ограду.

Но потом пригляделась, освоилась — и зажила по-своему.

День принадлежал не ей, приходилось терпеть. Но ночью, когда никто не видит, сидеть в четырех стенах было глупо.

Она и не сидела. За три месяца всего два раза не выходила, когда был ураган. И еще когда лежала с температурой после ночного купания, чуть пополам не треснула от кашля, но это не в счет. Всякий человек может простудиться, даже самый

здоровый.

Изучила и поселок, где рабочие и водолазы живут, и обе фабрики, парфюмерную и фармацевтическую — всё-превсё.

Самое интересное — просто за жизнью наблюдать. Засядешь на склоне, над домами и смотришь. Бинокль (отличный, военный, германского производства) был украден у Кобры. Та перерыла весь санаторий, ругалась по-немецки, но в конце концов решила, что это варан с подоконника спер — польстился на блеск стекляшек. На девочек не подумала, потому что зачем им, доходяжкам?

Никогда не надоедало смотреть, что происходит в пивной. Жаль лишь, разговоров не слышно. Просто в окна подглядывать тоже здорово. Занавесок в самых крайних домах не было — тут уже начиналась гора. Люди у Беллинды были, как рыбки в аквариуме. Некоторых она любила, других не очень, но все уже стали почти как родные.

Одно время, целую неделю, увлеченно пялилась в окна дома с красными фонариками — там располагался бордель. Узнала, что в книжках про любовь всё врут. Ах-ах, он осыпал ее руки лобзаннями, голова закружилась от счастья, и всё окуталось счастливым туманом. А на самом деле глупо, скучно, и всё одно и то же. Перестала за борделем подглядывать.

В санаторий после ночных экспедиций возвращалась перед рассветом, ужасно довольная. Пала в постель, как мертвая. Бонны прямо поразились, какой крепкий у нее утренний сон.

Но всему наступает конец. Поселок Беллинде надоел. Возник новый замысел, захватывающий.

С самого первого дня, когда еще только подплывали к Сен-Константену на пароходе, Беллинду заинтриговал вулкан. Он торчал из моря серым правильным конусом, сверху курился легкий дымок.

Самый настоящий вулкан! С кратером! А внизу, наверное, алеет и переливается огненная лава!

Взрослые все-таки поразительные. Взять людей из поселка: вроде свободные, никакой Кобры над ними нет, но Беллинда ни разу не видела, чтобы хоть кто-то пытался залезть на гору. Правда, по всему периметру, футах в двухстах от подножья, она окружена оградой и развешаны вывески: «Не подниматься! Каменные осыпи!». Ну и что? Подумаешь, осыпи. И через ограду перебраться тоже вполне возможно, если мозгами пошевелить. Беллинда вот подумала и придумала. Так нет же, сидят в своей пивной или в борделе скучной чепухой занимаются, дураки!

Пока чахоточные молились, она собрала всё

необходимое: бутылку воды на случай кашля, электрический фонарик, сворованный у спящего около пивной пьянчуги, свитер (наверху, наверно, холодно).

Что особенно ценно в санатории — у каждой пансионерки отдельная спальня. Чтобы не будили друг дружку ночным кхе-кхе. Дома такой роскоши не было, спали в комнате вшестером, со всеми сестрами, одна кровать пополам с Бесс. Когда Беллинда стала сильно мешать остальным своими туберкулезными концертами, ее начали укладывать в кладовке, на матрасе. А тут роскошно: своя постель с мягкой периной, собственное персональное окно, из которого так удобно сигануть на мягкий газон.

Заглядывать к девочкам по ночам у дежурных бонн было не заведено — разве только если какая-нибудь слишком раскашляется, но Беллинда на всякий случай уложила под одеяло «куклу» из тряпья.

Рано или поздно, конечно, застукают. Ну и что такого ужасного они бедной больной могут сделать? Когда Кобра начнет орать, можно будет пустить слезу, изобразить приступ удушья. Ерунда, обойдется.

Прикинула время.

Высота вулкана почти полторы тысячи футов. Это, наверно, часа три. Подняться к самой кромке

кратера. Поглядеть, как светится в ночи лава — и обратно. Вниз получится раза в два быстрее. Нормально. Еще останется часика четыре поспать до подъема.

Надела рюкзак, прогулочные ботинки на толстой подошве связала шнурками и перекинула через плечо.

Вперед, Белл!

Влезла на подоконник, открыла створку, спрыгнула.

Хорошо весить девяносто фунтов. Приземлилась почти бесшумно, даже траву не помяла.

Обулась, побежала вверх по склону.

Через санаторскую оградку, пустыковую, перемахнула запросто. Но потом с бега перешла на ходьбу. Начнешь задыхаться — подкатит кашель. Ну его.

Заблудиться было невозможно. Черная верхушка горы выделялась на фоне темно-серого неба, внизу светились окна санатория, еще ниже — огни поселка. Море поигрывало искорками, перемигивалось со звездами.

Какая все-таки благодать! В Англии, поди, уже холодно, дождик брызгает, а тут лето. Зря боялась замерзнуть. Пока что было жарко, даже вспотела. Вообще-то потеть нельзя, а то ветерком продует, и ку-ку. Плевать. Боишься и бережешься

— сиди в четырех стенах, а решила жить по-нормальному, не бери в голову.

Разок заклокотало в груди, запершило в горле, но Беллинда поскорей хлебнула воды, и ничего, обошлось.

Вот и ограда. Высокая и хитрая, из толстой проволоки. Взрослому через такую перелезть, пожалуй, невозможно — прогнется, не удержишься. А под Беллиндиной тяжестью лишь слегка наклонилась. Еще накануне проверено: перелезла на ту сторону и вернулась обратно.

Цап-цап-цап по-мартышечьи. Ногу перекинуть осторожненько, чтоб не оцарапаться и не зацепиться платьем. Вниз медленно, нащупывая носком ботинка ячейки. А вот отсюда можно уже и спрыгнуть. Опа!

Теперь санаторий, поселок и море оказались в клеточку. Очень красиво.

Беллинда засмеялась. Она чувствовала себя просто чудесно — словно вырвалась на свободу.

Карабкалась вверх — насвистывала. В санатории попробуй посвисти — с Коброй, наверно, истерика случится.

Что-то с топотом, будто слон, пронеслось мимо. В первый миг Беллинда охнула, потом хихикнула. Варяницу большущего спугнула. Дунул прочь, бедняга.

Смех перешел в кашель. Бухала —

нетерпеливо притоптывала ногой: ну всё уже, хватит. Кровь смачно сплюнула, как водолазы около забегаловки сплевывали пену с пивных кружек. Вытерла губы, попила воды.

Вперед! Вверх!

На горе было не так уж и темно. Луна, хоть и полуспрятанная за облаками, освещала почву вполне достаточно, чтобы не оступиться, не споткнуться о камень и главное — не угодить в щель. Их тут хватало. Один раз щебень под ногой пополз, поехал — Беллинда чуть не сорвалась.

Уф. Этого вот не надо. Застрянешь в дыре, никто не вытащит.

Фонариком посветила на ручные часики — самое дорогое сокровище. Бесс, старшая сестра, отдала свои, когда прощались.

Бесс — единственная, кого в Англии жалко. И единственная, кто прислал письмо. Отвечать ей Беллинда, конечно, не стала. Выздоровеем — напишем. А коли нет — зачем зря бумагу переводить. Пускай побыстрее забудет, для нее же лучше.

Времени-то оказывается, прошло уже много, а до верхушки еще далеко. Этак за три часа не поднимешься.

«Живее, чертова дохлятина!» — приказала себе Беллинда и стала подниматься быстрее.

Дело пошло. Склон сделался круче. Пришлось

поработать руками — хвататься за валуны, подтягиваться. Фонарик убрала в карман.

Еще чуть-чуть. До места, выше которого только небо, оставалось всего ничего.

Белинда уцепилась за ребристый камень, но тот вдруг легко поддался и остался у нее в пальцах — оказался не камнем, а осколком. Нога потеряла опору.

Взмахнув руками, девочка опрокинулась, заскользила по спуску головой вниз, ударилась обо что-то затылком. Траектория изменилась — Беллинда двигалась уже не по диагонали, а почти вертикально. Съехала на несколько футов и остановилась, стиснутая расщелиной.

Попробовала перевернуться — только сползла глубже. Грудь и плечи сдавило, руками можно было пошевелить только от локтя. Ногами подрывать получилось, но что от них проку?

Вскрикнула Беллинда только один раз. Какой смысл? Кто здесь услышит?

Сверху еще какое-то время сыпались мелкие камешки. Потом стало очень тихо. Лишь колотилось сердце: так-так-так, да натужно пыхтели легкие: хых, хых.

Поерзав и поизвивавшись, девочка окончательно поняла, что не выберется.

«Добилась своего, дура? Так тебе и надо. Куда торопилась? — обругала она себя. — Пропадай

теперь!»

Но сердилась недолго.

Пускай. Всё лучше, чем докашляться до смерти и подохнуть в постели. Повезло, что провалилась вверх тормашками. Недолго мучиться. Кровь к голове прильет, потеряешь сознание, и не будешь ничего чувствовать.

А еще здорово, что никто никогда не найдет. Даже не догадаются, куда подевалась Беллинда Дженкинс. Просто взяла да исчезла. Красиво! И сучке Лавинии некуда будет положить свои поганые лютики.

Было ужасно неудобно, давило грудь. Саднила царапина на предплечье. Поскорей бы уж кровь к мозгам прилиwała.

Ага, вот уже перед глазами желтые круги. Будто фонари зажглись. Сейчас всё поплывет, в ушах зашумит...

Зашумело не в ушах, а наверху — там, где ноги.

Мужской голос удивленно сказал на непонятном языке:

— Etta shto escho za ch-chudesa...

Кто-то взял Беллинду за щиколотки и потянул. Сильные руки вытащили ее, перевернули, посадили на землю.

— Эй, полегче! — крикнула она. — Больно!

Потерла глаза. Голова кружилась, ничего не

разглядеть.

— Ты цела? — спросил тот же голос по-английски.

Она попробовала смотреть — и зажмурилась. Прямо в лицо светил луч.

— Я услышал шум, и показалось, будто кто-то вскрикнул. Решил п-проверить, — сказал владелец фонарика, слегка заикаясь.

Что это у него за акцент? Беллинда такого никогда не слышала.

Незнакомец быстро и осторожно ощупал ей плечи, руки, бока, ноги.

— Кости не переломала? Нигде не болит?

— Ободралась малость, а так вроде ничего, — сказала Беллинда. — А вы кто? Что вы здесь делаете?

— Это я тебя собирался спросить. Господи, сколько тебе лет? Д-десять?

— Скоро тринадцать, — с достоинством ответила она. — Беллинда Дженкинс. К вашим услугам, сэръ.

Вспомнила, что у нее тоже есть фонарик. Не сломался? Вроде, нет.

Посветила на заику.

Брюнет. Очень красивый, как с картинки. Правда, пожилой, виски седые. Шкиперская борода, какую носят моряки, чтоб, когда куришь трубку на ветру, не опалять усов.

— Вы капитан? — спросила она. — В концерне работаете?

Красавчик изумленно покачал головой:

— Ни с-слезинки. Никаких следов волнения. Ты удивительная девочка, Беллинда Дженкинс. Сейчас ты мне все про себя расскажешь.

— Вы забыли представиться, сэр, — строго заметила она, потому что при первом знакомстве самое главное — сразу правильно себя поставить. — Не думаю, что это вежливо.

— П-прости. Мое имя — Питер Булль, — с заминкой ответил брюнет, будто не сразу вспомнил, как его зовут.

Путь катакиути

13 октября 1903 года. Остров Тенерифе

Самое лучшее средство взять себя в руки, когда произошло несчастье, — сосредоточиться на решении проблем, которые оно создало. Несчастье всегда создает проблемы, на то оно и несчастье.

Поэтому Эраст Петрович взял японца за плечи, не дал биться лбом о доски. Рывком поставил на ноги, повернул заплаканной физиономией к себе.

Прямо так, над бездыханным телом Булля, и

поговорили. Сначала коротко.

— П-полиция? — спросил Фандорин.

Маса покачал головой.

— Нет, господин. Не надо полиции. Во-первых, зачем она, если все, кто причастен к этому ужасному событию, уже умерли? Во-вторых, полиция помешает нам сделать то, что должно.

— А что д-должно?

Ответ Эрасту Петровичу был известен, но требовалось вовлечь Масу в разговор, чтобы он перестал всхлипывать и покаянно смотреть на мертвого инженера.

Японец в разговор не вовлекся, лишь пожал плечами и произнес одно-единственное слово:

— Катакиути.

— Ну, тогда за работу. Нужно здесь п-прибрать.

Сначала избавились от трупов. Каждому один камень к шее, другой к ногам — и с пирса в воду, на десятиметровую глубину. Маса обычно соблюдал вежливость по отношению к павшим врагам, но сейчас даже ни разу не поклонился, а на труп майора Шёнберга, застрелившего мистера Булля, даже плюнул.

Потом соорудили из веток и разломанных ящиков погребальный костер для Пита.

При свете этого багрового пламени, под монотонный речитатив поминальных буддийских

сутр, которые гундосил Маса, под хруст горящего дерева, Фандорин осмыслил ситуацию.

Всё, в общем, было ясно. В мире разгорается жесткая борьба за первенство. Ставка велика, противникам не до джентльменства. Если уж англичане готовы в нарушение всех международных норм прислать в чужие воды крейсер и высадить десант, то чего ждать от нахрапистых немцев, обойденных при разделе колоний? Увидели, что англичане выписали откуда-то хитрую субмарину, переполошились, нанесли превентивный удар.

Оно и черт бы с ними. Какое дело искателю подводных сокровищ до грызни между великими державами? Фандорин и собирался мирно уехать, оставив британцев и немцев разбираться друг с другом. Но теперь с нейтралитетом и невмешательством покончено.

Эраст Петрович решил, что останется. Действовать будет не на стороне англичан, но уж точно против немцев.

Не надо было Шёнбергу убивать Пита Булля. Ein grosser Fehler⁵. Жизни самого майора и его олухов в уплату за эту ошибку совершенно недостаточно. Расплатиться придется всему

⁵ Большая ошибка (нем.)

германскому рейху.

— Я собираюсь произнести речь, господин, — сказал Маса, собрав пепел мистера Булля в широкий пальмовый лист. — И хочу, чтобы вы внимательно ее выслушали.

Взяв лист четырьмя руками, они снова поднялись на пирс и развеяли прах выдающегося изобретателя над ночным морем.

— Мы должны отомстить за нашего соратника по-настоящему, как предписывает древний благородный Путь катакиути... — торжественно начал японец.

Это слово европейцы обычно переводят просто как «месть», но катакиути возвышеннее тривиальной вендетты, поскольку его совершают не из злобы, а во имя восстановление нарушенной справедливости.

Эраст Петрович уже догадался, что Маса пришел к тому же выводу, что и он сам, но лишь покивал.

— Если бы немецкий *сёса*⁶ убил Бури-сан по личным соображениям, было бы довольно в отместку умертвить его самого и его вассалов. Но сёса убил Бури-сан из-за секретной базы, потому что хотел уберечь ее от опасности. Значит,

⁶ Майор (яп.)

настоящая виновница — секретная база. Надо ее уничтожить со всеми ее секретами, а заодно и с отвратительным *кёдзю*⁷, который убивает девочек. Только тогда осуществится истинный катакиути, а нарушенное равновесие Добра и Зла восстановится. Убедил ли я вас, господин, или мне продолжить?

— Убедил, — быстро ответил Фандорин, с облегчением подумав, что Маса прав и можно ограничиться только базой на Сен-Константене, а мстить всему германскому рейху — это уже перебор.

— Очень хорошо. Я знал, что умею убеждать, — довольно наклонил голову японец. — Но поскольку я уже приготовился, позвольте рассказать вам одно достоверное предание, которым я хотел проиллюстрировать свою речь.

— Ладно. Только, пожалуйста, говори помедленней и не используй старинных слов, — попросил Эраст Петрович. — Я понимаю по-японски уже не так хорошо, как прежде.

— Это правда, господин. Вы говорите всё хуже и хуже — просто неприятно слушать. А предание вот какое... Вы, конечно, знаете про сорок семь верных вассалов, отомстивших за своего господина и потом с чистым сердцем взрезавших

⁷ Маньяк (*яп.*)

себе животы. Но на тему катакиути есть и другая история, менее известная.

Однажды, лет сто назад, жил в Эдо один якудза по имени Куроскэ. Он брал мзду с чайных домов квартала Ёсивара, опекаемых его кланом. Все очень уважали Куроскэ, потому что он честно нес свою службу: собирал взносы аккуратно, должников наказывал без чрезмерности, не давал в обиду девушек «ивового мира» и всегда беспрекословно выполнял приказы своего *оябун* ⁸, даже если они были совсем безумными. Его господин был оябун уже в третьем поколении, и, как это часто бывает с молодыми людьми, которым положение досталось по наследству, вырос своенравным и склонным к экстравагантным поступкам. Это его в конце концов и погубило. Как-то раз он вздумал отбить любимую куртизанку у могущественного хатамото, близкого к его высочеству сёгуну. Подарил девушке такие дорогие подарки, что ее сердце дрогнуло. Потом в знак сильной любви прислал куртизанке свой отрезанный мизинец — и тут ее сердце уже совсем растаяло. Они начали тайно встречаться.

Об этом донесли вельможе, и тот поступил, как требовали честь, обычай и статус. Прислал в

⁸ Босс (*яп.*)

павильон, где оябун и куртизанка предавались страсти, лучшего фехтовальщика из своих вассалов. Мастер меча зарубил неверную женщину прямо в постели, а оябуну дал одеться и вооружиться, после чего отсек ему голову, потому что, как я уже сказал, это был мастер меча.

Когда произошла эта трагедия, Куроскэ попросил у вдовы разрешения поручить катакиуги именно ему, а поскольку он был человек почтенный, разрешение было дано.

С мастером меча Куроскэ расквитался быстро. Фехтовальщик он был плохой, но зато отлично метал ножи. А дальше перед Куроскэ встал очень трудный этический вопрос: можно ли на этом считать катакиуги свершившимся или же следует пройти этим Путем до конца, то есть убить и самого хатамото? С точки зрения тогдашнего канона, он мог считать свой долг исполненным — рука, погубившая господина, была отсечена и принесена его безутешной вдове. Кроме того, убийство такого важного чиновника навлекло бы беду на весь клан. Поэтому вдова и все старшие советники были решительно против.

Однако Куроскэ не признавал компромиссов в вопросах чести. Мало уничтожить оружие Зла, надо искоренить и источник Зла — вот к какому выводу пришел этот искренний человек. В праздничный день он затесался в толпу около храма, метнул нож

в хатамото, когда тот садился в паланкин, и попал точно в сердце. После этого, согласно обычаям своего клана, Куроскэ уплыл на остров Минэгасима и прыгнул в жерло огнедышащего вулкана — это очень красивая и к тому же приятная смерть. В прощальном письме Куроскэ написал, что настоящая искренность не довольствуется полумерами. Благодаря этому выдающемуся герою канон катакиути был усовершенствован.

Эраст Петрович внимательно выслушал этот рассказ, прекрасный тем, что все его фигуранты руководствовались предписаниями чести.

— Последуем усовершенствованному канону и мы, — сказал Фандорин. — Только в жерло вулкана Сен-Константен прыгать не будем, хорошо?

— Разумеется. Ведь Бурь-сан был вам не господином, а всего лишь вассалом. Я же его вообще не любил и иногда хотел прикончить собственными руками. Теперь мне за это очень-очень стыдно. Есть только один цивилизованный способ избавиться от этого стыда — катакиути... Я хорошо знаю этот блеск в ваших глазах. Он означает, что вы уже придумали план. Надеюсь, в нем предусмотрена хорошая роль и для меня?

— Да. У каждого из нас будет своя собственная партия. Слушай и не перебивай. Если

останутся вопросы, задашь в конце...

И Фандорин приступил к инструктажу.

* * *

«А еще катакиути нужен вот зачем: этот Путь помогает избавиться от чувства вины. Всякий, кто остался жив, чувствует себя виноватым перед умершим. Потому что недосмотрел, или остался в долгу, который уже не вернуть, или просто был с человеком слишком резок. Исправить всё это невозможно, но очень даже возможно переадресовать вину на кого-то другого или на что-то другое. И заставить эту инстанцию расплатиться за все вины сразу.

Какая-то тайная база, какие-то военные секреты. Полно, стоит ли тратить на подобную чушь время и силы?

Стоит. Потому что иначе нельзя будет восстановить утраченное чувство внутренней гармонии, а важнее этого ничего на свете нет.

Так что нечего самого себя обманывать. Высшая справедливость и баланс Добра со Злом — пустая болтовня. Я делаю то, что я делаю, для самого себя».

Холодные мысли, вероятно, недостойные истинного самурая или «уважаемого якудзы», Фандорина нисколько не расхолаживали. С

некоторых пор он понял одну существенную вещь: умный и взрослый (что, в принципе, одно и то же) человек отличается от неумного или невзрослого тем, что ясно сознает мотивы своих поступков. И, разумеется, предвидит их последствия.

Нанести удар следовало так, чтобы не оставить следов. Не нужно становиться личным врагом великой державы, иначе всю оставшуюся жизнь будешь бегать и скрываться.

Поэтому наутро Эраст Петрович произвел некоторые манипуляции над своей внешностью. Приклеил короткую черную бородку. Усы, наоборот, сбрил. Надел зеленые очки. И выяснился факт, прежде не бросавшийся в глаза: они с покойным инженером очень похожи, особенно если смотреть с некоторого отдаления.

Во всяком случае, в тенерифском представительстве концерна «Океания» никто не усомнился, что соискатель рабочего места — тот, кем он назвался: американский гражданин Питер Буль тридцати девяти лет от роду, дипломированный инженер-механик, по опыту работы — конструктор подводных аппаратов. Эраст Петрович предъявил еще и номер иллюстрированного журнала «Maritime News» со статьей Буля про воздухопродувочные трубы на субмаринах. На размытой фотографии красовался худой человек в темных очках, с прочерченной, как

по линейке, бороденкой.

Редкой специальности в конторе очень обрадовались и немедленно выдали полезному человеку пропуск на катер, курсировавший между Тенерифе и Сен-Константемом.

Белоснежное суденышко, очень похожее на маленький миноносец, разве что без торпедных аппаратов, преодолело расстояние в пятьдесят миль за три часа. На флагштоке развевался вымпел концерна — Нептунов трезубец, воткнутый в земной шар. Пассажиров кроме Фандорина было человек десять: загорелые, бедно одетые люди — должно быть, нанялись водолазами на подводные плантации или рабочими на фабрику. Кроме того, на катере везли какие-то грузы в ящиках без клейм и надписей. Проходя мимо, Фандорин пнул по одному ногой, не очень сильно. Доска треснула. Ящик отозвался металлическим гулом. Ну-ну.

За сорок минут до прибытия на горизонте вырос пупырышек, стал увеличиваться в размере и постепенно превратился в невеликую гору правильной конической формы с чуть приплюснутой вершиной. Вблизи стало видно, что над горой вьется белесый дымок. Вулкан Эраста Петровича интересовал, поскольку ему в разработанном сценарии отводилась кое-какая роль, но пока что важнее был притулившийся у подножия поселок.

Аккуратные белые дома с красными крышами. Удобная небольшая гавань, два новейших портовых крана. Прямо на причале продолговатое одноэтажное здание с флагом на крыше. Должно быть, там проходят отборочную комиссию. В конторе предупредили, что со всеми соискателями проводится собеседование. Кто будет отсеян, вернется с тем же катером обратно. Ступить на землю Сен-Константена имеют право только люди, успешно прошедшие комиссию.

Эраст Петрович любил сдавать экзамены — что в гимназии, что в Технологическом институте. Всякое испытание собранности, знаний и находчивости освежает мозг. Но, глядя на своих простецких попутчиков, Фандорин был не склонен относиться к предстоящему собеседованию серьезно.

И здорово ошибся.

Начать с того, что его сразу же отделили от остальных. Их усадили на длинную деревянную скамью, выдав по сосиске и бутылке пива, инженера же провели в светлую комнату, обставленную довольно необычным образом. Посередине стоял табурет на вертящейся ножке — вроде тех, какими пользуются пианисты; спереди, справа и слева, каждый за своим столом, сидели трое мужчин.

На приветствие улыбочиво ответил только тот, что справа; левый сухо кивнул; центральный не пошевелился.

«Интересно, это разница темпераментов или намеренное распределение психологических ролей: мягкий, нейтральный и жесткий?» — подумал Фандорин, разглядывая троицу.

А они, мельком посмотрев на вошедшего, погрузились в чтение. Должно быть, то была анкета, которую Эраст Петрович заполнил в tenerифской конторе под копирку.

Вот и хорошо, есть время изучить сей синедрион получше.

Председателем несомненно был Центральный. Типичный пруссак: военная выправка, седой ежик, монокль, нафабранные усы а-ля его величество кайзер. Не очень-то немцы озабочены конспирацией. С тем же успехом можно было нарядить этого господина в военный мундир с Железным крестом на груди.

Правый (приветливый) намного моложе. В отличие от остальных, без воротничков и галстука, в расстегнутой на крепкой шее рубашке. Сильно загорелое, чисто выбритое лицо — открытое, улыбочивое.

Наиболее интересен, пожалуй, Левый. И сам по себе (мефистофельская черная эспаньолка, брови зигзагом, острый взгляд, бриллиантовая заколка в

шелковом галстуке), и, в еще большей степени, из-за непонятного аппарата с проводами, который, помигивая лампочками, стоял на столе. Фандорину такого устройства видеть еще не доводилось. Любопытно.

— Ясно, — сказал Центральный, закрывая картонную папку. — Приступим, джентльмены?

Говорил он по-английски (концерн-то ведь якобы международный), но с сильным немецким акцентом: «тшентльмены».

Правый (Фандорин окрестил его «Принц-Шарман») улыбнулся и кивнул. Левый («Мефистофель») пожал плечами:

— Начинайте, генерал.

Впрочем, означает ли слово *general* воинское звание или что-то иное, Фандорин не знал.

— Служили в армии или военном флоте? Приходилось воевать? — спросил Генерал, глядя на экзаменуемого скучным взглядом.

Чтобы не противоречить анкетным данным Пита Булля, Эраст Петрович ответил отрицательно, и Генерал совсем утратил к нему интерес.

— Теперь вы, доктор.

Мефистофель, оказавшийся доктором (медицины или каких-нибудь наук?), сказал:

— Я буду задавать вам вопросы, мистер Булль, а вы отвечайте быстро и не задумываясь. Учтите: малейшая ложь — и вы работы не

получите.

«Как же, спрашивается, ты определишь, лгу я или нет», — подумал Фандорин, повернувшись на табурете.

— Разденьтесь до пояса, — неожиданно велел Мефистофель, который, стало быть, являлся именно доктором в медицинском смысле. — Сядьте сюда. Я подсоединю к вашей груди и локтевым сгибам вот эти проводки. Аппарат, который вы видите, называется Truthreader. Он реагирует на малейшую неискренность. Не верите? — Ловкие руки быстро прицепили к телу Эраста Петровича липкие датчики. — Если вы скажете неправду, зажжется вот эта лампочка. Вас ведь зовут Питер? Давайте я спрошу ваше имя, а вы попробуйте назваться как-нибудь иначе. Итак. Мистер Булль, как ваше имя?

Пожав плечами, Фандорин сказал:

— Ну допустим «Эраст».

Лампочка не загорелась.

Доктор недовольно хмыкнул.

— Я же объяснил: отвечать быстро, безо всяких «ну» и «допустим». Еще раз: как ваше имя?

— Эраст, — увереннее повторил Фандорин.

Нахмурившись, Мефистофель стал крутить какие-то рычажки.

— Черт, опять барахлит, — пробормотал он.

Эраст Петрович с любопытством разглядывал

устройство. Он читал, что существуют опытные образцы аппаратов, способных улавливать микронарушения пульса, давления и потовыделения, происходящие при напряжении, которого требует от человека ложь, но никогда еще не видел «машину правды» наяву.

— Вы не могли бы придумать какое-нибудь более правдоподобное имя? — с раздражением спросил доктор.

— Джон.

Лампочка зажглась.

— Вот видите! — с торжеством воскликнул доктор, обращаясь не к Фандорину, а к остальным членам комиссии.

Председатель рассматривал Эраста Петровича с вновь пробудившимся интересом.

— Это не тело инженера, — сказал он одобрительно. — Какие мышцы!

— Вы инженер? — спросил доктор.

— Да.

Лампочка бездействовала. Что ж, Фандорин действительно имел диплом Массачусетского технологического института.

— У вас шрамы, — продолжил Генерал, прижимая к глазнице монокль. — А говорите, что не воевали. Ну-ка, Ласт, потрясите его получше.

— Ваше имя Питер Буль?

— Да.

Лампочка вспыхнула, и Фандорин понял, что недооценивать чудо техники не следует. Нужно срочно задействовать «мертвое дерево», защитный блок «крадущихся»: превратить сердце в сухой ствол, нервы в безжизненные сучья. Умение застыть без движения, почти без дыхания — один из основных навыков всякого ниндзя.

Время замедлилось, руки и ноги отяжелели, по телу разлилось сонное оцепенение.

— Вы лжете! — вскричал доктор Ласт (вот как звали Мефистофеля на самом деле). — Как ваше настоящее имя?

Фандорин смущенно признался:

— Фима Соловейчик. Я русский еврей. Когда приехал в Америку, поменял имя...

Лампочка проглотила вранье, обманутая «мертвым деревом».

— Еврей со шрамами? — пророкотал Генерал. — Очень интересно! Эта нация не склонна к воинственным занятием, но уж если попадаете боевитый еврей, он заткнет за пояс трех тевтонов. Так вы были на войне, мистер Буль?

— Нет. У меня хорошая м-мускулатура, потому что я давно занимаюсь водолазным делом. Шрамы тоже от подводных п-приключений. Вот этот, похожий на след от пули, на самом деле память о встрече с электрическим скатом. Заикание тоже. А эту з-зазубрину мне оставила акула...

Лампочка вела себя умницей, не выдавала.

— Думаю, это ваш человек, Нэп, — сказал доктор Ласт, выключая машину. — Инженер, к тому же опытный водолаз.

— Да, к сожалению, не мой, — вздохнул Генерал. — У меня вопросов больше нет.

— Обернитесь ко мне, мистер Булль, — попросил третий экзаменатор, и Фандорин снова повернулся на табуретке. — Скажите, чем лучше пользоваться для ориентации, когда лодка идет на глубине?

— Я предпочитаю компасы «Сперри».

Застегивая пуговицы на рубашке, Эраст Петрович стал объяснять, чем лучше гигроскопический компас именно этой модели. Принц-Шарман, он же Нэп, доброжелательно кивал.

— А как вы определяете, что ниже погружаться уже опасно?

— Очень п-просто. Если заклепки на стенках начинают «слезиться», значит, давление воды слишком велико. Нужно немного подняться.

— Раз мистер Булль вам не нужен, Генерал, я бы с удовольствием взял его в лабораторию. Доктор?

Нэп с улыбкой взглянул на остальных членов комиссии.

Генерал зевнул. Ласт развел руками:

— И это все ваши вопросы? Что ж, Нэп, вам виднее. Поздравляю, мистер Булль, вы приняты на работу. Вам остается ознакомиться с правилами, расписаться, и можете устраиваться. Вас проводят на квартиру, всё покажут и расскажут. Жалованье у вас будет...

— По первой категории, — подсказал благожелательный Нэп.

— Останетесь довольны, — закончил доктор. — Всё. Вам вон в ту дверь. Давайте следующего!

Так Фандорин и не понял, кто у них главный. Лучше бы собеседование длилось подольше, но не требовать же продолжения?

* * *

Прошла целая неделя.

Маса на Тенерифе наверняка извелся в ожидании условленного знака, а Эраст Петрович всё не мог сообразить, как подобрать ключик к ларцу под названием «Сен-Константен». Был озадачен, и недоумение с каждым днем возрастало.

Ключик подбирать было не к чему, потому что отсутствовала замочная скважина.

Сен-Константен был тем, за что себя выдавал. То есть «производственным и научным центром по утилизации морской биологии»

(именно так остров именовался в официальной переписке концерна «Океания»).

Здесь собирали и выращивали водоросли; культивировали каких-то особенных моллюсков; экстрагировали разные эссенции для парфюмерного, косметического и фармакологического использования. Производство на обеих фабриках, медицинской и парфюмерно-косметической, было не маскировочное, а самое что ни на есть настоящее, превосходного технологического уровня. В большой лаборатории, куда определили «Питера Булля», работали отменные специалисты высочайшей квалификации: химики, биологи, конструкторы, инженеры. Всяк занимался своим направлением, никто друг другу не мешал.

Рабочий процесс был организован идеально.

Низший состав островного населения — рабочие, водолазы, обслуживающий персонал, охранники — жили в очень хороших условиях, но сотрудники лаборатории, фандоринские коллеги, существовали просто по-королевски. Каждому была предоставлена двухэтажная квартира в длинном блоке таунхаусов. Заботиться ни о чем не приходилось, особая консьержная служба полностью обеспечивала быт. Жалованье инженеру Буллю назначили очень щедрое — триста долларов в неделю, втрое выше, чем он получал бы за такую

работу в Европе или Америке.

Атмосфера в лаборатории была чудесная — азартная и товарищеская. Никакой таинственности. Все были увлечены своей работой, много шутили, хохотали, дурачились. Иногда затевали какое-нибудь спортивное состязание или даже возню, поскольку люди были в основном молодые и все без исключения холостые — очень разумно: когда человек не отвлекается на личную жизнь и к тому же занимается чем-то интересным, он не считает, сколько часов провел в служебном кабинете. Вот как нужно устраивать научные центры, думал Фандорин. Чтобы много талантливых людей, собранных в одном месте, воспринимали работу как игру и заряжались друг от друга энергией.

Всё это было мило и славно, однако никаких признаков германской военной базы или чего-то засекреченного Эраст Петрович нигде не обнаруживал.

Среди коллег были и немцы (здесь работали ученые и инженеры самых разных национальностей), но ни одного с прусской офицерской выправкой, которую не спрячешь никакой гражданской одеждой. Кроме экзаменатора с кайзеровскими усами Фандорин ни одного подозрительного персонажа не увидел, да и Генерал тоже куда-то запропастился.